

НИКОЛАЙ ЛЕДИНСКИЙ

АМУЛЕТ 4

18+

Николай Лединский

Амулет. Книга 4

«Автор»

2024

Лединский Н.

Амулет. Книга 4 / Н. Лединский — «Автор», 2024

Два главных героя романа – Григорий и Стас, – до поры до времени вовсе не знавшие друг друга, волею судеб оказываются причастны к одной и той же загадке - к странной истории амулета «Тайна вселенной». Читателю становится ясно, что в охоту за амулетом, судя по всему, вмешивается еще некая третья сила, но кто и почему это делает, разгадать как героям романа, так и его читателям оказывается не так-то просто. Амулет, способный влиять на судьбу человечества, в свое время был разделен верховными вождями народа майя на несколько частей, и теперь именно Григорию Ачамахесу надлежит отыскать и собрать воедино фрагменты «Тайны вселенной».

© Лединский Н., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава первая. Григорий	6
Глава вторая. Стас	12
Глава третья. Григорий	18
Глава четвёртая. Стас	25
Глава пятая. Дикий	31
Глава шестая. Григорий	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Николай Лединский

Амулет. Книга 4

Не кради

(Библия, Исход, глава 20, стих 15).

Глава первая. Григорий

Операция по «эвакуации» моих близких была благополучно завершена. Я перевёз всё семейство, включая кошку Майку, в казенную загородную резиденцию, которая принадлежала конторе Седого, и была любезно предоставлена в наше распоряжение.

Было видно, что это очень серьёзная контора: территория особняка по периметру охранялась бравыми молодцами в штатском. Я с лёгким сердцем оставил здесь свои «тылы», зная, что они будут в полной безопасности, и стал заниматься своими делами.

Прежде всего, мне предстояло упаковать вещи для очередной загранпоездки. Был уже довольно поздний вечер, поэтому я, не мешкая, отправился на квартиру моей матери, куда они были перевезены, чтобы на следующий день заняться ими.

Уже стоя перед входной дверью, я вдруг почувствовал тревогу. Я прислушался к себе и понял, что в квартире есть кто-то чужой.

Я аккуратно несколько раз подёргал ручку двери – она была заперта. Тогда я открыл дверь ключом и вошёл. Тревога усилилась. Внутри точно кто-то был. Я понимал, что человек, тайком пришедший в столь поздний час в чужую квартиру, ждал меня с явно недобрыми намерениями.

Что ему нужно? Это предстояло мне выяснить. Непонятно откуда взявшимся у меня пружинистым шагом я влетел в комнату и резко включил свет, надеясь застать противника врасплох.

Интуиция меня не подвела. У окна на диване сидел и погано улыбался мне не кто иной, как Аристарх Иванович. Увидев меня, он потянулся, как после сна, и нарочито лениво и расслабленно произнёс:

– А-а, добрый вечер, Григорий Александрович! Что-то долженько вас не было, заждался я вас совсем. Уж было и спать тут собрался...

Этот его сладковато-приторный тон совсем не вязался с моим настроением. Можно подумать, будто я пригласил этого типа к себе в гости и неучтиво опоздал, а не он воровским путём проник ночью в чужую квартиру, а теперь сидит тут и ещё юродствует...

Я хотел было резко оборвать его, но подавил своё раздражение и сдержался. Я решил, что это только усложнит и отодвинет наше объяснение. Ведь он наверняка пришёл с чем-то серьёзным... Интересно...

Поэтому я улыбнулся ему так, что чуть скулы не треснули. И с невероятным тошнотворным дружелюбием, в тон ему, лилейно протянул:

– Ах, Аристарх Иванович! Добрый вечер! Что ж вы так поздно? – словно мы с ним давным-давно договаривались об этой «вечеринке».

– Да вот всё дела, дела... Аки пчела... Только вот сейчас и выкроил часок, чтоб свидеться, – наша беседа ходила кругами по поверхности, не затрагивая пока чего-то главного, напряжённо висевшего в воздухе.

– Так, может, чайку для начала? – гостеприимно спросил я.

– Можно и чайку, – покладисто согласился Аристарх Иванович.

Для того, чтобы идти на кухню, я должен был повернуться к нему спиной, а я очень не хотел этого делать. Но, мгновение подумав, я рассудил, что если бы он хотел меня убить, то такая возможность у него уже была, и он ею не воспользовался. Значит, ему действительно что-то нужно от меня. Что ж, посмотрим... А заодно и посмотрим, не привёл ли он с собой дружков...

Я, не торопясь, направился к кухне, по пути незаметно прощупывая глазами всё вокруг. Всё было «чисто». Аристарх Иванович был один. И я спокойно занялся чаем.

Я не помню, когда последний раз мне самому приходилось заваривать чай, и, честно говоря, уже забыл, как это делается и что для этого надо. Я твёрдо помнил только, что у матери

всегда было два комплекта чашек – один для ежедневного пользования, а другой, нарядный, с синей кобальтовой сеточкой, – для гостей.

Машинально я полез за кобальтовыми чашками, но остановился. «Тоже мне, гость дорогой... Перебьётся», – я сплюнул в мусорное ведро и поставил кобальтовую чашку назад. А вместо неё вынул старую, шербатую, но опять остановился.

«Идиот! Что и кому я доказываю этим?» – раздраженно одёрнул я себя. И, решив не мелочиться в подобных вещах, засунул шербатую инвалидку обратно и снова достал парадные синие чашки.

Моя матушка очень трепетно относилась к чайной церемонии. Она любила хороший чай, но не просто какой-то индийский, цейлонский или обыкновенный «Брук-Бонд», а обязательно с различными ароматическими добавками – травками-муравками, лепестками цветов, сушёными ягодами и с чёрт-те чем. Поэтому, увидев на кухонной полке вместо обычных пачек с чаем банки с каким-то травяным мусором, я заварил его и подумал, что если матушка это пьёт и ей нравится, то и гость мой тоже не отравится, а если такое вдруг и случится – не велика беда!

Наполнив чашки каким-то непонятным, но довольно душистым свежесваренным настоем, я понёс их в комнату.

– Это чай? – недоверчиво покосился на чашку Аристарх Иванович.

– Это травяной чай, – невозмутимо пояснил я и с напускным удовольствием отхлебнул из своей чашки. – Моя матушка очень уважает подобные напитки, да и я тоже. Очень полезно для здоровья, – рекламировал я эту мутную бурду с плавающей соломой.

Но несмотря на мою заботу о его здоровье, Аристарх Иванович занервничал. Как раз чай-то и вызвал у него явные опасения за свой желудок.

– Вы не против, если мы чашками поменяемся? – сказал он, поёрзав на стуле.

Я расхохотался.

– Ну, прямо средневековые какое-то! «Отведай ты из моего кубка!» – вспомнил я фразу из какого-то древнего романа. – Да не смешите меня, ей-богу, – я поменял наши чашки местами и продолжил: – В отличие от вас, я не собираюсь никого травить. Яда у меня нет, да и труп, опять же, куда девать... Расчленять? Крови много... – деловито рассуждал я, прихлёбывая чай.

Моему гостю эта тема разговора не понравилась, и он поспешил перейти, наконец, к главному.

– Григорий Александрович! Вы, полагаю, уже поняли, что я появился здесь не за тем, чтобы наслаждаться этим, простите, пойлом, хотя... – он брезгливо отхлебнул из чашки, – аромат здесь всё-таки какой-то присутствует.

Он аккуратно поставил чашку на место, вытер губы чистым платком и, вонзив в меня маленькие острые глазки, произнёс:

– У меня есть к вам одно крайне важное и срочное дело, которое я надеялся обсудить здесь. Итак, я задам лишь один вопрос, и вы сразу поймете, зачем я к вам пришел... – Аристарх Иванович сделал глубокомысленную паузу, подчеркивая важность момента. – Как мог я догадаться, что сегодня вы придете именно сюда, на квартиру вашей матери?

Несмотря на то, что слова эти Аристарх Иванович произносил жестко, старательно отделяя одно от другого, у него было лицо довольного купидона.

«А действительно, как он догадался, что я буду именно здесь?» – подумал я. Я нечаянно взглянул на себя в зеркало напротив и увидел свое растерянное лицо.

– Во-о-от! – поднял толстый пальчик Аристарх. – Вы не знаете! – почти радостно констатировал он. – Вы не знаете, – повторил Аристарх Иванович. – А вот у нас есть приборы, которые могут регистрировать передвижения любого интересующего нас человека по его излучению. Дело в том, что каждая душа, появляясь в нашем мире, имеет своё земное предназначение и в зависимости от него окрашена в свой индивидуальный цвет. Имеет свою спектральную волну. Это не биополе, излучаемое телом, и не аура, отражающая эмоции. Это исклю-

чительно субстанциональная, духовная энергия. В древности её называли тенью человека. А сейчас люди практически ничего не знают о ней. Даже не все брахманы видят тени, но, безусловно, они верят в них и потому пытаются хотя бы приблизительно определить, к чему призван в этом мире тот или иной новорожденный. А вот у нас, – Аристарх Иванович многозначительно посмотрел на меня, – у нас есть аппарат для фиксации духовных полей. Мы их называем микролептонными, и стоим на пороге того, чтобы через влияние на них влиять на поведение людей. Теоретически это вполне возможно, – всё больше увлекался мой гость, – поскольку для микролептонов абсолютно проницаема любая материя, а сами они мгновенно распространяются на огромные расстояния, тысячи километров, без затухания первоначального сигнала. Для решения этой задачи нам требуется всего ничего: достать одну мудрёную древнюю штуковину... Но сейчас речь пока о другом, – притормозил он себя, – как мы отследили вас? А вот как. Вы, Григорий Александрович, находясь в моем офисе, оставили там определенного рода тень, и мы, подобрав соответствующую спектральную волну, можем теперь фиксировать ваши пути.

Его теоретическая подкованность и осведомлённость в сакральных вещах меня поразили, но я постарался не подать виду.

– Да бросьте вы! – деланно возмутился я. – Небось, датчик ко мне прицепили – вот и вся недолга. Воспользовались моим бессознательным состоянием (тоже результат ваших «научных» действий!) и пришпандорили свой датчик. Либо к моему ботинку, либо к бумажнику, либо к лацкану пиджака... – перечисляя, я внимательно оглядывал себя и свои вещи, но ничего обнаружить не смог. – Или вживили в меня электрод! У меня, кстати, рука чешется, – язвительно закончил я.

Пока я кипятился, лицо Аристарха Ивановича менялось с дружелюбного на удивленное и, наконец, стало напоминать личико обиженного ребенка. Он даже нижнюю губку надул. Казалось, он скажет сейчас: «Ну, я с вами не играю! Так совсем неинтересно. Вы мне не верите...».

– Вы мне не верите... – произнёс Аристарх Иванович. – Тем не менее, я хочу вам сказать: у нас есть прекрасная возможность определять, где вы находитесь, и не упускать вас из виду. По-моему, сегодня мы это доказали! – добавил он, не удержавшись.

Похоже, мы добрались до ключевого момента нашего диалога. Я выдержал долгую паузу и в полной тишине произнес:

– А зачем я вам так нужен?

Аристарх Иванович поднялся с маминого кресла и отошел к книжным стеллажам. Он машинально взял в руки первый попавшийся том – им оказалась «История Древней Греции» С. Лурье – и заговорил, стоя ко мне спиной.

– Ну, если говорить честно, как личность вы меня совершенно не интересуете: рефлексующий интеллигент! – он громко захлопнул томик Лурье. – Что мне надо от вас, так это получить то, чем вы обладаете, и только тогда я смогу от вас отстать. Хотя, – протянул задумчиво Аристарх Иванович, проводя пальцем по корешкам «Римского права» и маминого медицинского справочника, – почему, собственно говоря, вы так чураетесь нашего сотрудничества? Выгода для вас вполне очевидная: вы могли бы зарабатывать хорошие деньги, сотрудничая с нами, так сказать, на благо общества.

При этих словах мы оба усмехнулись.

Слушая своего собеседника, я из дальнего угла гостиной внимательно присматривался к нему и, наконец, осознал: как и при первой встрече с этим человеком, над его головой не было никаких эмоциональных всплесков, никакой ауры.

«Но разве такое бывает?» – подумал я, и, казалось, без всякой связи с его предложением спросил:

– Аристарх Иванович, почему, когда я общаюсь с вами, у меня создается впечатление, что я имею дело не с живым человеком, а ... – я посмотрел в сторону, – вот с этой кушеткой или стулом? От вас не исходит никаких эмоций.

Аристарх Иванович ухмыльнулся – на губах его зазмеилась улыбка, я бы даже сказал, демоническая улыбка. Он медленно подошел ко мне.

– А вы считаете, что эмоции являются чем-то необходимым и, вообще, позитивным? Почему, собственно? Заметьте, весь мир, – он внимательно поглядел на меня в упор, – весь мир разделен на две части: одна проявляет какие-то эмоции, а другая, напротив, никаких эмоций не проявляет, – голос Аристарха зазвучал глуше.

– Что вы хотите этим сказать? – уточняя эту весьма любопытную сентенцию, я тоже понизил голос. – Вы имеете в виду Бога и дьявола?

– Ну, может быть, Бога и дьявола.

– А почему вы считаете, что Бог проявляет эмоции, а дьявол нет? – мне стал любопытен этот странный человечек.

– Я этого не говорил. Это утверждаете вы в своем вопросе, Григорий Александрович. Как и многие, вы приписываете дьяволу то, что по праву принадлежит Богу. Вы перепутали добро и зло. Именно добру, считаете вы, свойственны всякие эмоции. Во всяком случае, вы уверены, что восприятие мира с эмоциональной точки зрения происходит по Божьему благословению. Хотите пример?

Заинтригованный его нестандартным рассуждением, я, разумеется, согласился.

– Вот, допустим, – важно продолжал польщенный моим вниманием Аристарх Иванович, – вы, старый, больной, несчастный, сидите на дороге и просите милостыню. Мимо проходят два человека. Один накидывается на вас, жутко материт, орет, что вы бездельник, сами во всем виноваты, и тому подобное, но, пусть в сердцах, все-таки кинет копеечку! А другой словно и не замечает вас, невозмутимо проходит, как неживой. Кто из них от Бога? Тот, который обругал и оскорбил вас, но дал денег, или тот, который ничего не сказал и ничего не дал?

Я задумался: и какого ответа ждал от меня этот странный человек?

– От Бога – принимать участие в чужих судьбах, – ответил я так, как чувствовал.

– Вот-вот, – ухмыльнулся Аристарх Иванович, словно заведомо знал, какой вариант я выберу. – Он вас обругал, то есть каким-то образом отреагировал на ваше существование, вы вызвали у него, пусть своеобразные, эмоции, к тому же он подкрепил вас денежной подачкой, и поэтому он, в ваших глазах, поступил по-божески. А другой прохожий для вас страшен, поскольку он не проявил к вам эмоционального участия. И на этом основании вы приписываете ему дьяволизм! По-вашему, отсутствие эмоций – это уже зло, то, что от дьявола. А Бог, с вашей точки зрения, – это нечто добренькое, как ваши родители, нечто эмоциональное и, вследствие этого, всепрощающее. А не кажется ли вам, что в вашем субъективном сознании эти два понятия сместились и перевернулись? Тот, кто гладит вас по шерстке и прощает все грехи, – дьявол, абсолютное зло, увлекающее вас в полную нигилизацию...

– Аннигиляцию, – автоматически поправил я. – Слова «нигилизация» в словаре нет.

Аристарх Иванович не успел собраться с мыслями, чтобы сознательно отреагировать, и потому, ограничившись лишь недоуменно поднятой бровью, запальчиво продолжал:

– А тот, кто бесстрастно идет вперед, руководствуясь одним только интеллектом, он – Бог, проявление как раз того разумного начала, к которому вы вопиете в своих молитвах.

Он косо посмотрел на маленькую мамину иконку, пристроенную между книг: Спаситель сурово гвоздил его взглядом. Аристарх передернул плечами и отвернулся.

– А вы, – прервал я вдруг наступившую тишину, – вы сами кем себя считаете: сторонником Бога или дьявола?

Та же демоническая улыбка-змея мелькнула на губах Аристарха Ивановича, и я услышал ехидный ответ:

– Неважно, кем себя считаю я. Главное, кем считаете меня вы, мил человек. Вы, очевидно, считаете, что я воплощение сатаны. Должен вам сказать, что вы глубоко ошибаетесь.

Внезапно мой ночной гость свернул разговор.

– По большому счету, Григорий Александрович, мне все равно, Богом или чертом я вам кажусь. Я хочу получить ваш амулет.

«Ого! – воскликнул я про себя. – Вот так, в лоб!»

– Это невозможно!

Я сказал чистую правду, но человек, возомнивший себя всемогущим, не стал выяснять причину моего отказа. Он вдруг резко полез в карман пиджака.

– Что там у вас, пистолет? – трухнул я.

– Да бросьте, какой пистолет, – вздохнул Аристарх Иванович и вынул большой белый платок. – Матушка ваша ерунду какую-то мешает в чай. Жарко мне что-то. И тошно...

– Да, – пригляделся я к нему и зажег бра на стене, – ваше лицо покрылось какими-то красными пятнами.

Лоб моего гостя пошел волдырями, а на щеках расплылись очертания материков.

– Да у вас аллергия! – воскликнул я.

Аристарх злобно взглянул на меня.

– Хватит мне зубы заговаривать! Вы отдадите талисман по-хорошему или нет?

– Да почему я должен вам его отдавать? – удивился я совершенно искренне. – Я вовсе не собирался его кому-либо отдавать.

– Ну, ладно, – уже совсем враждебно процедил он, – не хотите по-хорошему, придется по-плохому.

В этот раз в его руке, действительно, появился маленький черный пистолет. Он направил дуло на меня и уже хотел взвести курок, как вдруг жутко закашлялся. Несмотря на холодок, поползший по моей спине, мне стало смешно.

– Черт, – сипел человек с пистолетиком, – я просто задыхаюсь!..

«Ну, мамочка, молодец, выручила», – благодарил я про себя свою маму.

– Может, пистолетик подержать? – ласково произнес я, вынимая из рук противника оружие.

Аристарх меня уже не замечал. Он хватал ртом воздух и жутко кашлял. Лицо его прямо на глазах стало разбухать.

– Что там у вас было, в чае? – прохрипел он.

– Да кто его знает, травки какие-то, – забеспокоился я: «А что, если он умрет? Меня ведь обвинят в отравлении».

Становилось не смешно.

– Мне совсем худо. Вызывайте «скорую»! – мой ночной гость потянулся к окну, чтобы вдохнуть свежего воздуха.

– Как «скорую», Аристарх Иванович? – усомнился я. – У нас ведь конфиденциальная встреча.

– А куда вы мой труп денете?! – в последней надежде прохрипел Аристарх, падая на ковер.

Пришлось вызывать «скорую». Врачей, как всегда, едва дождались. К моменту их приезда мой гость тюфяком лежал на кушетке, куда я его перетащил, и уже даже не говорил. Из киношного гангстера он превратился в бессильного старичка. Однако давать ему супрастин я совершенно не собирался. «Пусть помается, – думал я, – пусть прочувствует, что всякое действие рождает противодействие. А мамочка-то моя меня спасла».

Врач «скорой» посмотрел на покрытого крапивницей Аристарха и деловито спросил:

– На что это он так среагировал? Отек Квинке, между прочим.

– Кто его знает, – пожал я плечами. – Вместе пили чай с травами.

– И что туда входило?

– Ума не приложу! Ничего необычного, – индифферентно отвечал я.

Врач и сопровождавший его фельдшер, приняв первые необходимые меры, подхватили моего ненужного гостя и умчались в ночь.

Я пошел на кухню, где еще некоторое время размышлял о случившемся. «Бывают в жизни происшествия, которые нельзя объяснить никоим образом, – думал я, потягивая душистый мамин чай, – ни реальными законами, ни здравым смыслом. Почему, например, каждый год на Пасху в храме Господнем на первосвященников нисходит небесный огонь?.. Никто не знает, хотя ученые не раз пытались изучать этот феномен. Также нет никакого научного объяснения «поведению» крови святого Иенуария, хранящейся в церкви Неаполя, – почему она два раза в год, вопреки абсолютно всем законам химии и физики, начинает кипеть? Да-а, есть вещи необъяснимые, мистические...»

Я приподнял крышечку заварника, вдохнул теплый аромат трав, встал и подошел к окну. В доме напротив все уже спали. Я представил, как сейчас где-то по городу несется карета «скорой помощи», время от времени тревожа ночь сиреной, а в ней мотается беспомощный охотник за моим амулетом.

«Почему Аристарху стало так худо от трав, которые я пью без малейшего вреда для себя? Что вызвало в нем аллергию? Тут какая-то непонятная аномалия, как кровь святого Иенуария...», – думал я, засыпая.

Глава вторая. Стас

Меня стала тяготить моя работа. Я понимал, что это нехороший признак, но ничего не мог с собой поделать. Моя жизнь как будто разделилась на две половины. Раньше, в первой половине, я достаточно легко вставал, пружинисто шел по ступеням своего офиса в удобный кабинет, приветствуя по пути всех своих сотрудников. Меня радовал запах свежего кофе, заваренного моей секретаршей. С большим удовольствием я погружался в море деловых бумаг. Мне были интересны ход сделок, вопросы прибыли – все это варилось, крутилось, а я находился в центре процесса и не мог представить, как можно жить иначе. Ко всяким философам и вообще философии я относился с презрением. Какая может быть философия при материалистическом понимании жизни? Нужно действовать и, возможно, параллельно заниматься прикладными науками, а схоластические, оторванные от практики рассуждения оставить разным шизофреникам и неудачникам.

Теперь, во второй половине своей жизни, я стал приходить на работу с одним желанием: скорее бы этот день закончился. Все утратило смысл. Я перестал быть частью общего дела, единого коллектива. Все, что раньше радовало меня, вдруг стало раздражать. Я почувствовал себя человеком, который много умнее окружающих. Я исполнился презрением к их образу мыслей и существованию. Секретарша, раньше казавшаяся мне скромной, деловой, исполнительницей, теперь представлялась бестолковой кокеткой, стремящейся только к прибавке жалованья. Сотрудники, когда-то считавшиеся мной компетентными, теперь виделись мне махровыми стяжателями, которые только и норовят урвать от моего куска, поживиться за мой счет; либо, и того хуже, подсадить меня и занять мое место.

По сути, все они заняты лишь тем, чтобы материально обеспечить себя, своих детей и внуков, и пребывают в этой возне до самой смерти. Продолжение рода – это, конечно, прекрасно, но так ли уж оправдывает пребывание человека на земле? Жить ради потомков? А если потомки недостойны родителей? Как тогда?..

Нет, человек рождается не только для того, и главным образом не для того, чтобы родить себе подобных (это одно из больших заблуждений людей!). Человек рождается для того, чтобы нести в себе мудрость, чтобы искать истину, чтобы творить её на земле... Без знания и претворения истины в жизнь рождение новых поколений бесполезно, а то и вредно с точки зрения выполнения высших задач на земле: люди, увеличиваясь количественно, оскудевают духовно, становятся более агрессивны, драчливы, нетерпимы друг к другу... А истина лежит не в технических знаниях, не в знаниях биологии, не в знании астрономии, не в знаниях медицины... и даже не в знании бизнеса. Истина лежит в понимании основ, а это всё-таки философия.

«Скорее всего, у меня начинается паранойя. Или, – противоречил я сам себе, – новое понимание жизни».

Это противоречие между старым и новым в моей душе действовало на меня крайне раздражающе. Я заметил, что из делового, собранного, уверенного в себе человека стал превращаться в некое подобие... Григория! Меня, к примеру, потянуло на какие-то дурацкие романтические отступления в общении с моими сотрудниками.

Вот мой составившийся на службе бухгалтер, Тимур Ильич, принёс мне распечатку начислений заработной платы работникам фирмы, а я, вместо того, чтобы внимательно ознакомиться с ней, стал вдруг расспрашивать его о семейных делах. По правде говоря, они меня мало интересовали. Но мои праздные расспросы совершенно выбили бухгалтера из колеи. Он вдруг покрылся испариной, затряс своим третьим подбородком, – человек он довольно полный и нездоровый, – и ни с того ни с сего стал подобострастно объяснять мне, куда и зачем ездил в рабочее время в последние три дня. «Ворует, – безразлично подумал я. – Ворует за моей

спиной. И потому незначительный вопрос испугал его... Да черт с ним, пусть ворует. Я и сам, можно сказать, на руку не чист. Сказано ведь, кто без греха, пусть первый кинет камень...»

Забавно то, что косвенным положительным результатом моего «задушевного» разговора с бухгалтером через два дня стал подробный и точный отчет о делах фирмы, о котором я и не помышлял.

Увы, утром, приходя в офис, я уже не испытывал той веселящей легкости, которую чувствовал прежде, садясь в свое вместительное кожаное кресло. Что-то меня угнетало. Наверное, то, что из преуспевающего бизнесмена я вдруг превратился в чувствительного идиота. И ничего не мог с этим поделать!

Мое безрадостное душевное состояние усугубляло еще и то, что Татьяна, несмотря на мои призывы пока не возвращаться из «эвакуации», пожить за городом, приехала и весь вечер грохотала на кухне посудой. Это было признаком ее крайнего раздражения. К тому же, соседи наверху устроили какие-то дикие пляски. Я пытался скрыться от этой какофонии в своем кабинете, но безуспешно. Через потолочное перекрытие неслась песня:

– Береза – белая подру-у-га...

Причем пели хором и, что особенно печально, не в такт.

«Хотя, – резонно подумал я, – если б они пели в такт, вряд ли это доставило мне удовольствие».

Наверху пели, плясали, что-то двигали. «Черт бы их всех подрал, – злился я. – Это становится невыносимым. Пойти туда, наорать на них, что ли? А как я буду выглядеть?.. Нет, не пойду. Тем более, – вспомнил я, – моих соседей наверху недавно постигла утрата: там умер человек. Может, поминки справляют?..»

В этот момент пение наверху стало каким-то особенно залихватским.

«Да какие, к бабушке, поминки?! – возмутился я. – Под такие-то пляски и пьяные вопли!»

В отчаянии я достал из аптечки беруши, засунул их себе в уши поплотнее, схватил первую попавшуюся книжку и бросился на диван.

Мне почти удалось вчитаться в текст, как вдруг чей-то внимательный взгляд отвлек меня от книги. Я поднял глаза – и увидел перед собой соседа сверху.

– Господи, Василий Фомич, вы-то тут какими судьбами? – поразился я.

В кабинете было полутемно, светила только настольная лампа.

– Слышь, – сказал Василий Фомич, как-то странно приближаясь ко мне, – я хочу позвать тебя в гости. Пойдем к нам, у нас весело.

Я даже привстал с дивана. Неловко лежать, когда у тебя в комнате чужой человек, гость в некотором роде. Да и ситуация казалась мне удивительной. Сосед мой был как-то необычно, несуразно одет: черный костюм, белая рубашка, строгий галстук, а на ногах вместо ожидаемых лаковых туфель – какая-то белая парусиновая обувь типа тапочек.

– Что это у вас за праздник такой? – спросил я. – Странно вы сегодня одеты, Василий Фомич!

Я привык видеть соседа в серой спецовке. Если память мне не изменяет, работал он на станции техобслуживания, и уж в черном костюме с галстуком вообще никогда не ходил. Ну, по выходным – в свитере и джинсах. А уж в белых тапочках!.. От растерянности я даже на «вы» его назвал.

– Что это ты так вырядился, Фомич? – взял я, наконец, себя в руки.

Василий Фомич невозмутимо поглядел на меня, качнул головой вверх, в сторону своей квартиры, и вновь пригласил:

– Ты... это... того, что ли?.. Пойдем.

– Да чего я должен с тобой идти? Я занят, Фомич.

– Ну, ты... это... не бойся... Пойдем, – произносил он как-то нелепо, одновременно маня меня рукой.

Я встал во весь рост, и одновременно со мной встала огромная тень, так что фигура моя словно переломилась, и голова оказалась закинутой на верхнюю полку книжного шкафа. Но тени Василия Фомича рядом не было!

– Пойдем, – продолжал манить он.

Я двинулся за ним, но тут заметил другую странность: Василий Фомич исчез из моего кабинета, не открывая двери! Он просто прошел сквозь нее!

«Чушь какая-то, – решил я, – башка, наверно, поехала. Или обман зрения».

Я открыл дверь – за дверью стоял Василий Фомич.

– Ты как здесь?.. – промямлил я холодеющими губами.

– Да ладно, пойдем, выпьем за это... как его?.. За упокой души.

– Да чьей души-то? – прошептал я, чтобы не напугать Татьяну.

– Чьей, чьей? – вдруг осмелел Василий Фомич, и я даже уловил гримасу презрения на его лице за мою недогадливость. – Моей, конечно.

– Так ты чего, помер? – продолжал спрашивать я, чувствуя полную неуместность этого диалога. «С ума схожу...»

– Да вроде как помер, – обыденно согласился покойник. – Ну, пойдем, пойдем. По-соседски, что ли, не можешь выпить за помин моей души?

Татьяна выглянула из кухни и поинтересовалась:

– Куда это ты?

– Наверх, – односложно ответил я, переобуваясь в прихожей.

– А-а-а! – Татьяна скорбно поджала узкие губы и исчезла.

Хлопнула дверца холодильника.

– На, возьми, – вновь появившись в проеме двери, сказала жена и пихнула мне в руки бутылку водки.

Стоявшего рядом со мной соседа она почему-то проигнорировала.

Поднявшись вместе со мной к своей квартире, Василий Фомич вновь оставил меня одного. В недоумении я толкнул дверь рукой, но она не поддалась. Я нажал кнопку звонка, ожидая увидеть за дверью извиняющегося Фомича: мол, извини, захлопнулась. Но за дверью раздавался гул голосов, в котором потонул звонок, и мне никто не открывал. Я, как дурак, стоял на лестничной площадке с бутылкой водки под мышкой.

Рассердившись, я с силой вновь нажал на кнопку и с полминуты не снимал с нее палец. Наконец дверь открыла улыбающаяся, распаренная соседка Нюрка. Если бы не ее черная мятая юбка и кофточка такого же цвета, можно было подумать, что здесь идет праздничная вечеринка. Заваленная одеждой гостей прихожая напоминала предбанник.

Женщина, оглядев и узнав меня, моментально выхватила из моих рук бутылку и с воплем: «Вот еще соседусшка пожаловал!» препроводила в большую комнату.

Там дым стоял коромыслом. Мне показалось, что меня впихнули в парилку. В спёртом и прокуренном воздухе висел кислый запах спиртного. Вокруг были такие же распаренные, как у хозяйки, красные лица. Стол загромождали блюда с недоеденными закусками, а в центре его возвышалась большая чаша с кутьей.

«А ведь, и впрямь, поминки, – подумал я, глядя на кутью. – Только вот чьи?» И тут я опять увидел Василия Фомича. Он восседал в самом центре стола, но в то же время как-то отстраненно: вроде бы вместе со всеми, а вроде бы и нет. И, в отличие от всех гостей, перед ним стояла пустая тарелка, а на ней – рюмка с водкой, накрытая кусочком хлеба.

– Вот такие, брат, дела, – как-то грустно усмехнулся мне Василий Фомич, – помер, вообще-то, я.

Он кивнул в сторону комода. Я оглянулся – и встретился с глазами того же Фомича, смотревшего... с фотопортрета, перевязанного черной траурной ленточкой.

«Что же это, выходит, я с покойником разговариваю?! – похолодел я от окончательного вывода. – Эту штуку, способность видеть мертвецов, мне на Бали буддийские монахи подстроили!» – я зачем-то ощущал себе голову.

– Да ты не переживай, – подбодрил меня Василий Фомич. – Я и сам еще толком не знаю, покойник я или нет. Помню, что меня похоронили дней сорок назад, а вот дальше все как-то смутно, непонятно. Вроде как я есть, а вроде как и нет меня. Я-то не сплю, вижу, что я есть, – да и ты меня видишь! – а жена моя, Нюрка, меня не узнает. Чудно! Я ведь для чего тебя позвал? – спохватился он и сейчас же передумал продолжать. – Посиди пока. Потом скажу.

И Василий Фомич как-то совершенно необычно удалился, можно сказать, выплыл из комнаты...

Компания за столом, не переставая, пила водку и время от времени вспоминала детали биографии Василия Фомича. По всей вероятности, он был человеком так себе, средних талантов и не дурак выпить, но в речах говоривших о нем он представлял чуть ли не кандидатом на Нобелевскую премию. Духота становилась все гуще, а поминальные тосты все горячее, словно люди компенсировали ими свое безудержное веселье.

Чем больше я их слушал, тем больше убеждался, что, действительно, Василий Фомич умер. Хотя непосредственное общение с ним заставляло сомневаться в этой навязчивой идее всех собравшихся.

Некая полная сдобная женщина, явно перебравшая водки, бесстыдно вопила, что всю жизнь она любила одного мужчину – Василия Фомича. Вдова, женщина далеко не молодая, смотрела на нее, как на идиотку.

– Да брось ты, Лийка! Что ты несешь? – вдруг резко сказала вдова. – Какого мужчину? Ты же мне все время жаловалась, что он твоего мужа на пьянку подбивал!

Как я понял, их мужья работали вместе в автосервисе.

Лийка, тем не менее, окончательно вошла в раж:

– Да вы не знаете, что это был за человек! Вы ему в подметки не годитесь! Вася! На кого ж ты меня оставил, хороший мой!.. – и она пьяно зарыдала, размазывая сопли по щекам.

Выяснения любовных отношений за поминальным столом производило отвратительное впечатление.

А в дальнем углу комнаты сидела маленькая сухонькая старушка с выражением глубокого горя на лице. Ее сиротливая фигурка резко контрастировала с разбитным видом всех собравшихся. Она одиноко сидела на шаткой кухонной табуреточке, опустив седенькую голову, а в узловатых ее пальцах был зажат простой граненый стакан, в котором дрожала водка.

«Мать», – узнал я ее.

Пустые льстивые речи о сыне нисколько не уменьшали боль в ее сердце.

«А ведь Фомич был вовсе не старым, – прикинул я, – где-то пятьдесят с небольшим. А вот, кстати, и он!»

Василия Фомича я увидел за спиной старушки. Он стоял неподвижно, словно боясь напугать ее, и страстно хотел утешить мать.

Я подошел ближе, и он сказал:

– Это моя мама. Если ты можешь, обними ее. Ты видишь, никому нет до нее дела. Я умер – и никому ее не жаль. А ведь она единственный человек, который сейчас по-настоящему печалится обо мне. Обними ее за меня, и скажи ей что-нибудь утешительное.

– Что я могу ей сказать?

– Ну, ничего не говори. Просто обними.

Я последовал его просьбе, обнял женщину за сухонькие плечи, и она, как будто ждала этого, прижалась ко мне и зарыдалась:

– Вася, Васенька, что же ты наделал? Кому же я, старая, теперь нужна буду? Один-то ты меня поддерживал. Нюрка твоя меня из дома выгонит... Что ж мне теперь делать, сынок?

Василий Фомич стоял рядом и виновато смотрел то на меня, то на мать.

– Да сделай же ты что-нибудь! – взмолился он ко мне.

И вдруг я, сам себя не понимая, произнес:

– Не плачьте, успокойтесь! Все будет хорошо. Знаете что? Вы будете жить у меня. Да, у меня! – сам себя подкрепил я. – Я с Василием Фомичом очень сдружился и потому вас не оставлю! Мы еще немного здесь посидим, выпьем за упокой его души, а потом пойдем ко мне, и я вас с моей женой познакомлю.

Я в своей жизни сделал не так уж много добрых дел и потому в глубине души надеялся, что когда-нибудь, может быть, на том свете мне зачтётся этот мой жертвенный поступок, это мое сочувствие бедной женщине.

Василий Фомич посмотрел на меня благодарно и с чувством произнес:

– Молодец, мужик! Я в тебе не ошибся... Хотя, в общем, цель у меня была другая, – он оглянулся и внезапно решился:

– Пойдем-ка со мной на кухню! Покажу кое-что.

Влекомый его приглашающим жестом, я пошел за ним.

На кухне никого не было. По кафелю над раковиной испуганно метнулись собравшиеся на водопой тараканы. Табачный дым сизой струйкой уносился в открытую форточку, а на грязной тарелке из-под холодца еще дымились окурки.

– Вот, открой-ка, – показал Василий Фомич на верхнюю дверцу старого кухонного шкафчика. – Сил-то у меня, сам понимаешь, никаких. А мне надо, чтобы об этом кто-нибудь узнал, я специально, ради этого и явился. Открой, открой, – торопил меня покойник.

Я, следуя его настоятельной просьбе, открыл дверцу. В самой глубине шкафчика, заставленная разными банками со специями и коробочками с чаем и травами, стояла бутылка, похоже, с недопитой водкой. Именно на нее указывал призрак.

– Ты ж посмотри, какая ведьма! И тут сэкономить решила! Даже отраву – и ту не всю мне отдала. Это ж она меня ею уколошила, – пояснил Фомич. – Ведь что там в судмедэкспертизе сказали? Что я, значит, упился некачественной водкой и оттого помер. Пьяница, сказали! А дело-то на убийстве замешано, – Василий Фомич горестно затряс головой. – И с этой ведьмой я всю жизнь прожил! Не знал, какую гадину пригрел у себя на груди. Просто так уйти к любовнику она, вишь, не захотела – захотела в моей квартире и с моими деньгами остаться! Тут ведь все мое, за мои трудовые куплено. Вот и решила меня, значит, на тот свет досрочно отправить. Мне ведь всего пятьдесят четыре отроду, мужик еще хоть куда был!

– Да, совсем еще нестарый человек, – тихо согласился я.

– А эта змея другого себе нашла. Думает, что он вечно с ней будет. Дура! Вон, погляди, как милуются-то, – Фомич раздраженно показал в коридор, – срам смотреть!

Я выглянул из кухни. И впрямь, в коридоре среди одежды, под вешалкой, раздавалось веселое женское повизгивание, – какой-то верзила мял Нюрку в своих объятиях.

– И не стыдно ей! У, глаза бесстыжие! Это ж она меня отравила, можешь мне поверить, чтобы с ним сойтись. Мешал я им!.. И матери-то моей не стесняется!.. Я чего к тебе пришел-то? – вдруг сам себя перебил покойник. – Накажи ты как-нибудь эту подлую бабу, отравительницу! Я ведь не могу отсюда уйти, пока кто-нибудь не накажет ее. Сколько же душе маяться?!

– Да как я это сделаю? – опешил я. – Как я твою Нюрку накажу?!

– Уж я не знаю, как... – сник Фомич. – В тюрьму ее отправь, что ли. И ее, и любовника: ведь это он крысину отраву принес, чтобы она мне в водку подсыпала. А не то и отрави ее! – отчаянно закончил Василий Фомич.

– Вот уж нет, братец, – возмутился я, – этого не проси. На смертоубийство я не пойду. Что я тебе, киллер какой-нибудь! Нюрке твоей уподобляться!..

Василий Фомич стал как-то редко опадать, его лицо побледнело, плечи опустились. Уходя, он тихо простонал:

– Плохо мне, не могу больше с тобой оставаться. Но ты просьбу-то мою выполни, уважь покойника... А батьку твоего тоже отравили, уколом, ты знаешь? Отомсти за нас обоих, – торопливо произнес он напоследок, и исчез.

Я остался один посреди кухни.

В коридоре все еще повизгивала свежеиспеченная вдова, в большой комнате откровенно веселился народ, а в углу незаметно сидела старая несчастная женщина, которой больше не было места в доме умершего сына.

Я решил исполнить свое намерение. Подошел к ней, взял ее за руку и пригласил:

– Пойдемте ко мне. Вам у меня будет лучше. Поживите пока с моей семьей, а там что-нибудь придумаем.

Старушка как будто ждала, на кого можно опереться. Она безропотно поднялась и зашаркала вслед за мной.

Никто не заметил нашего ухода: ни счастливая вдова, отдававшаяся новой любви, ни пьяные гости, чей топот и крики я еще долго слышал из моей квартиры.

Дома я строго посмотрел на Татьяну, в двух словах объяснил ей мое решение, и она, не желая связываться со мной при госте, быстренько приготовила для матери Василия Фомича постель в свободной комнате.

Уединившись в кабинете, я не придумал ничего лучшего, чем позвонить дяде Лёше. Я вкратце изложил ему свои подозрения об отравлении соседа, указав на местонахождение остатков яда, но опустив пикантные подробности общения с покойником. Я особенно не надеялся, что дядя Лёша каким-то образом поможет мне, однако он откликнулся, хотя, как потом выяснилось, и несколько неожиданно для меня...

– А ведь ты, Стас, меня обманул, – глухо сказал он в трубку, – обману-у-ул... Ты ведь тоже вместе с Григорием что-то получил, какую-то искорку Божью... Ан нет?

– Да, дядя Леша, и я тоже получил, – согласился я.

– Теперь ты, как и твой друг, очень нужный мне человек, – задумчиво произнес старый чекист как бы про себя и спросил: – А что, тебе очень надо, чтобы мы раскрутили твою соседку?

– Надо, – решительно подтвердил я.

– Хорошо, – со сталинской интонацией сказал дядя Леша, – я тебе обещаю. Тем более, что хоть одно раскрытое преступление ваше отделение милиции запишет себе в актив. Хорошо, – повторил он, – мы это сделаем. Но и ты не забудь нашего уговора: послезавтра вы с Григорием улетаете. Помнишь, надеюсь?

«Как такое забудешь?» – подумал я, а вслух четко, без всякой кампанейщины, как младший старшему по званию, отрапортовал:

– Помню. Мы готовы.

Мне хотелось отчеканить «так точно!», как того требовала субординация, но я удержался.

Глава третья. Григорий

Утром по радио читали «Евгения Онегина», и я, остановившись среди комнаты, слушал:
...Проснувшись рано,

В окно увидела Татьяна

Поутру побелевший двор,

Куртины, кровли и забор...

Ритм чтения был так ровен, успокаивающ, голос диктора так мягок, что мне захотелось взглянуть на мир глазами пушкинской Татьяны, забыв тревожные ночные сны. Захотелось узнать, а что там, за моим окном?

Я отдернул штору и глянул вниз. Весь двор был покрыт снегом, чистым, неисхоженным, словно белой праздничной скатертью.

На детской площадке мальчишки лепили рыхлые снежки и азартно кидались ими друг в друга. Я вспомнил, как я сам радовался свежему снегу, когда учился в школе, как раз напротив маминого дома.

Сейчас мою школу не было видно, как раньше, из окна. Года два назад во дворе, после нескольких месяцев грязи и грохота строительства, вырос дорогой современный особняк с частной охраной и собственной автостоянкой. В нем комфортно поселились некие богатенькие буратино.

Я долго любовался белым чистым полем двора. Только вот под деревом валялось что-то темное. Пальто, что ли, или старое одеяло до помойки не донесли? Я отвел глаза: непонятный серо-бурый предмет портил красивую зимнюю картинку.

«Хорошо умеют устраиваться эти новые русские, – размышлял я, – возвели себе апартаменты, отгородились фигурной решеткой, установили по углам особняка камеры слежения, посадили вооруженных консьержей – и живут припеваючи! Разъезжают себе в дорогих иномарках! Только вот почему, – я опять, уже возмущенно посмотрел на неприятный серый предмет под деревом, – почему они свой мусор (мешок из-под цемента, что ли?) не донесли до мусорки? На своей же территории гадят!..»

Отойдя от окна, я вернулся к своим проблемам и решил позвонить Стасу, рассказать ему о визите Аристарха, – это его, наверняка, заинтересует.

Набрав номер, я еще раз взглянул на то место во дворе, где лежал бесформенный темный предмет. Под деревом ничего не было! «Чушь какая...» – подумал я, но в этот момент в трубке раздался голос Стаса, и я забыл о занимавшем меня пятне на снегу.

Стас, на мой взгляд, разговаривал со мной чересчур напряженно, и я, будучи не в силах изменить его тон, лишь сухо изложил все, что произошло со мной накануне. Босс, на удивление, мало заинтересовался моим рассказом и на мои недоуменные вопросы отрывисто отвечал, что надо забыть обо всем этом и срочно собирать вещи, готовиться к отъезду. «Всё остальное не имеет абсолютно никакого значения», – резюмировал он, будто подвел черту.

«Хорошо, – равнодушно подумал я, – отъезд так отъезд», – повесил трубку и начал, не торопясь, складывать одежду, проверять документы, пересчитывать деньги... Все, кроме моей «Тайны вселенной», казалось мне неважным.

«Я собираю свой амулет, как домик из кубиков», – любовно думал я, взяв его в руки. Странно! Камень светился необычным светом, мерцал и переливался, и даже обжигал.

– Что-то ты сегодня чересчур разошелся, – заговорил я вслух. – В чем дело? Что происходит?

Я приблизился к окну, чтобы лучше рассмотреть переливающийся необычными тонами камень. Взгляд мой снова упал на снег под деревом. Темный предмет лежал на том же месте! И

тут я впервые, может быть, пожалел, что пренебрег советами окулистов и не купил себе очки. Мне никак не удавалось рассмотреть, что же это там валяется.

Моя беда, мой «комплекс» в том, что я всю жизнь боялся, что, надень я очки, меня будут обзывать «очкариком». Кроме того, я, как вольный дворовый пес, терпеть не могу на себе каких-либо лишних предметов, будь то часы, очки, галстуки («ошейники», – мысленно добавил я до кучи, ухмыльнувшись). Все, что надевалось на тело помимо необходимой одежды, меня раздражало до крайности.

«В конце концов, – часто философствовал я, оправдывая свою неприязнь к очкам, – Бог создал меня таким, какой я есть, и не позаботился о каких-то дополнительных приборах для улучшения моих органов чувств, значит, они мне не нужны».

Но сейчас любопытство, мучавшее меня все утро, взяло верх, и я потянулся за старым отцовским биноклем, лежавшем на книжном шкафу.

«Совсем как старая бабка, – смущенно ворчал я, – ради развлечения буду глазеть, что там валяется во дворе».

Но как только я навел окуляр бинокля на непонятный предмет, от моего смущения не осталось и следа. То, что я увидел, меня крайне озадачило. Под старым разлапистым тополем на свежем снегу лежало не одеяло, не мешок из-под цемента и не драное ватное пальто – там лежал человек! И, судя по всему, лежал он там не потому, что сильно устал и прилег отдохнуть эдак на полдничка. Он был мертв. То, что раньше казалось моим подслеповатым глазам бурой грязью на сером фоне, в бинокль ясно виделось как свежая кровь на одежде упавшего в снег мужчины.

«Не может быть! Бред какой-то: кругом ходят люди, играют дети, гуляют собаки, и никому нет дела, что во дворе на снегу лежит мертвый человек?!» – недоумевал я, впившись глазами в бинокль.

Оставаться дома, не разрешив загадки, я был не в состоянии. Куда девалась моя вселенская лень! Подгоняемый любопытством, я, не застегнув куртку, выскочил на улицу, быстро добрался до дерева. Но, к своему удивлению, обнаружил, что там никого нет. Уволокли труп, пока я спускался? Но нетронутый снежок под тополем был девственно чист. И никаких следов кровавого убийства!

Что же это могло быть? Однако спрашивать у бегавших малышей и сидящих на скамеечках бабушек, куда делся мертвец, я не стал. «Померещилось, – озадаченно решил я. – Ну и фантазия! Идиот!» – честил я себя, поднимаясь наверх и путаясь в незавязанных шнурках кроссовок.

Войдя в квартиру, я решительно направился к окну, чтобы задернуть штору и заняться делами. Однако одного взгляда в окно было достаточно, чтобы увидеть, что мертвый человек лежит на прежнем месте... Рядом с трупом, как ни в чем ни бывало, бегали ребятишки, сновали люди – все, как десять минут назад!

«Что за чертовщина! – разозлился я. – Чьи это дурацкие шутки? Нет, это надо выяснить!» Я стал уже опять надевать куртку, как вдруг услышал через окно звук въезжавшей во двор машины. Я выглянул – из пузатого серебристого «мерседеса», отсвечивающего никелированными деталями, вышли двое. Один за другим они направились в «новорусский дом». Впереди шел водитель, он же охранник, он нес портфель, видимо, не свой, а хозяина, а сзади шёл... тот самый человек в сером пальто, которого я только что видел валяющимся в крови под деревом, с нелепо подвернутой рукой.

Сердце у меня колотилось. Ведомый скорее своими эмоциями, чем разумом, я снова, как идиот, выскочил во двор. Шнурки я, по всей видимости, так и не завязал, или от рождения был чересчур неуклюж, только рухнул я со всего размаху неподалеку от своей парадной. И в то же мгновение я снова увидел всю картину с окровавленным телом, но более четко: у меня создалось впечатление, что кто-то внутри меня, кто раньше показывал мне темно-бурый предмет

издалека, вдруг навел резкость. Я увидел, как человек в сером идет по двору, а некто в черной куртке и такой же чёрной вязаной шапочке до самых глаз выскакивает из-под арки, стреляет в него, бросает пистолет и убегает. Человек в сером медленно-медленно падает на снег...

«Ну, это же мне не показалось!» – торжествуя подумал я, поднимаясь с колен и отряхивая снег. Но нет! Человек, в которого только что стреляли, спокойно подходил к дому. И он же, обливаясь кровью, лежал под деревом!

«Так, юрист, – обратился я сам к себе, – это шизофрения! Или... – меня осенило, – мой талисман играет со мной в такие милые игры? Если так, то о чьей смерти он так упорно предупреждает?»

Не зная лучшего справочного бюро, чем бабульки, праздно торчащие целыми днями на лавочках, я обратился к ним:

– А кто эти люди на «мерседесе»?

– Не знаешь разве? – обрадовано загалдели они, обретя долгожданного собеседника. – Из этого дома он (они указали на отстроенный особняк), во второй парадной живет...

В их тоне угадывалась гремучая смесь ненависти, отвращения, подлобострастия и зависти к этому человеку.

– Неужто не знаешь? – тараторили бабки, спеша поделиться информацией. – Это ж депутат наш! С губернатором заседает! Богатый... Переехал откуда-то, только не знаем, откуда. Таперича здесь жить будет. Может, и нам толк какой...

– А какого толку вы ждете? – решил я разговорить их побольше.

– Ну, как? – вступила одна, востроносая. – Может, трубы поменяют, сантехнику какую... Может, охранять нас начнут...

– А что, – подначил я, – обижают вас, что ли?

Бабки дружно рассмеялись мелким старушечьим смехом и сказали ехидно:

– Да нас-то чего? А вот тебя, соколик, могут и обидеть, пьяные там или еще кто. Все лучше, когда власть рядом.

«Бедные бабки, – посочувствовал я, – все еще во власть верят. Что им дала эта власть от своих щедрот? По-моему, эти люди, поселяющиеся в роскошных особняках, мелко видели всех окружающих. И чем они богаче, тем равнодушной. У них равнодушие ко всему, кроме денег».

«За это и поплатятся», – сказал кто-то внутри меня. Услышав этот голос, я наскоро попрощался со словоохотливыми бабушками, чтобы дать невидимому собеседнику закончить его мысль.

– Да-да, за это и поплатятся!

– Кто ты? – спросил я, а у самого мелькнуло: «Знакомый голос!»

– А как ты думаешь? – усмехнулся невидимка.

– Я встречался с тобой... в Мексике! И на Бали, – припомнил я.

– Перед тобой выбор, – услышал я вне связи с моими догадками.

– Какой выбор?

И что-то внутри меня ответило:

– Перед каждым человеком всегда стоит выбор. Вот и ты сейчас стоишь перед выбором: предупредить или не предупредить.

Голос умолк, и в наступившей тишине я почувствовал какое-то зловещее напряжение. «Предупредить или не предупредить? Кого предупредить? – лихорадочно думал я. – Кого? Или что? Как «что»? Ну, конечно же, убийство! Кто-то хочет убить этого человека в сером пальто, и передо мной стоит выбор, предупредить его или не предупредить?»

Я было ринулся в подъезд богатого дома, куда прошел депутат, но путь мне преградил внезапно появившийся охранник. Он вырос будто ниоткуда, отделясь от стены, и сурово спросил, заглянув мне в глаза:

– Тебе здесь чего надо?

– Да я... Ничего... м-м-м... – промычал я и осекся.

Что я мог ему сказать? Что хозяина готовятся убить? Это было бы слишком неосторожно: пожалуй, меня самого тут же загребли бы как соучастника подготовки преступления. Сообщить, что у меня видение? Выражение лица коротко стриженного «качка», стоявшего в парадной, ясно давало понять, что здесь не поверят ни во что иррациональное, сверхъестественное. В лучшем случае отмахнутся, в худшем – вызовут «психушку». Так и не придя к решению, я счел за лучшее удалиться, чтобы спокойно обдумать, что же теперь мне делать с этой чертовой информацией о готовящемся убийстве депутата.

Я вернулся домой. Нервное напряжение заставляло бесцельно слоняться по комнатам. Чем-то нужно было занять руки, и я принялся перебирать лежащие на столе документы, подготовленные для поездки в Штаты. Вот – договора, вот – паспорт, вот – медицинская страховка...

«Стоп! – сказал я сам себе на страховке и отодвинул бумаги. – Дар ясновидения дан мне кем-то свыше, и этот кто-то предупреждает меня о готовящемся преступлении. Не буду ли я предателем по отношению к нему, если не вмешаюсь?..»

«Ты никому ничего не должен! – бойко возразил второй, довольно мерзкий голосишко во мне. – Подумаешь, предупредили его о готовящемся преступлении. Каждый день кого-нибудь грохают. На всякий чих не наздравствуешься!»

Первый голос не сдавался: «Ты предашь высшее существо, доверившее тебе ясновидение, и потом не простишь себе этого».

«Ну, признайся! – завопил второй, – ведь тебе совершенно не жаль потенциального покойничка. Он тебе даже противен!..»

Оглушенный своей внутренней распрей, я сидел в растерянности, не зная, что делать. Опять она, эта проклятая борьба тьмы и света в моей душе. Во мне боролись два желания. Одно – высокое, продиктованное совестью, жестко требовало, чтобы я, не рассуждая, исполнил свой человеческий долг и защитил бедолагу. Другое – низкое, инстинктивное, темное, злорадно и назойливо верещало во мне: «Так ему и надо, ворюге! Скольких он людей обобрал, а скольких на тот свет отправил! Пришел и его черед».

И тут же первый, совестливый голос устыжал меня: «Кто ты такой, чтобы судить людей, решать, жить им или нет?»

Хочу я того или нет, но я непримиримо раздвоен между инстинктами и совестью, и клонюсь больше то в одну сторону, то в другую. Инстинкты и совесть – два противоположных начала моего сердца, побуждающих меня к двум противоположным образам мыслей и действий. Инстинкты исключают совесть и, наоборот, совесть исключает инстинкты. Что выберу я? Чему отдам предпочтение? Борьба, вечная борьба инстинктов и совести – вот моя участь. Эта борьба, возможно, и есть моя настоящая работа, пока я жив?..

Я согласился, что я не судья над людьми, – и решил сообщить в милицию о готовящемся убийстве.

Телефон ближайшего отделения милиции мне, по случаю, был известен. Решительно набрав номер, на другом конце провода я услышал басистую скороговорку:

– Дежурный капитан ... слушает.

Фамилия прозвучала неразборчиво. Стараясь артикулировать предельно четко, я внятно произнес совершенно дурацкую фразу:

– По имеющимся у меня сведениям, на депутата, проживающего по такому-то адресу, в ближайшее время собираются произвести покушение.

Секунду помолчав, добавил еще одну:

– Пожалуйста, примите меры по защите человека.

Повесив трубку, я почувствовал огромное облегчение от чувства исполненного долга, оттого, что проблема, как будто, рассосалась. Успокоенный, размягченный, с удовольствием

погрузился в подготовку к отъезду: документы, вещи надолго поглотили меня полностью. Резкий телефонный звонок неприятно стегнул по нервам.

«Ччёрт! – недовольно буркнул я. – Наверняка, маманя. Вот талант у человека – звонить в самое неподходящее время».

Закипая раздражением, я схватил трубку и приготовился пропустить мимо ушей целый ряд ценнейших наставлений. Услышанный мною голос Седого, которого Стас почему-то называл «дядей Лёшей», в секунду испарил мою злость, заставил внутренне подтянуться и превратил в какого-то солдата-первогодка, стоящего навтыжку перед сержантом.

– Григорий, ты? – Невероятная подавляющая сила, исходящая от этого человека, парализовала меня даже через телефонную трубку.

– Да, – поспешил ответить я и, не сумев справиться с внезапно нахлынувшим подобострашием, продолжил: – я вас внимательно слушаю.

– Мне надо встретиться с тобой, – спокойно приказал звонивший. – Жди меня через полчаса. – Не дожидаясь моего ответа, он повесил трубку.

– Хорошо, – хрипло выдавил я уже телефонным гудкам и стал вяло размышлять на тему: кто я сейчас больше – кретин или кролик для удава. «Размазня!» – угодливо подвернулось подходящее словечко.

Кроме обычной магии силы в этот раз Седой, как я почувствовал, излучал препорядочную злобу, которая наэлектризовала пространство вокруг меня. Ничего хорошего от его визита я не ждал. Беспокойство не давало мне оставаться на одном месте, и я стал ходить по комнате, чтобы попытаться унять его.

– Что ему от меня надо? И почему я как будто в чем-то виноват перед ним? Да я перед всеми чувствую себя виноватым. Размазня, одно слово.

В душе проклюнулся и стал нарастать протест. В раздражении я подошел к окну. Безмятежно падал снег, припорошивая деревья, деловито снующих прохожих, бабулек, стрекочущих у подъезда...

Плавню, словно не желая нарушить идиллию, во двор въехала и остановилась у моей парадной знакомая мне «ауди» Седого.

– Черт бы тебя подрал! – горячо пожелал я, увидев, как вальяжно старик выходит из машины, как неотвратимо направляется ко мне.

Гроном небесным грянул дверной звонок. С заледеневшим сердцем я распахнул дверь. Не только из глаз, но и от непокрытых волос Седого, кажется, исходили молнии. Он двинулся на кухню, руками продвигая меня перед собой, затем чуть ли не швырнул меня на табуретку.

– Какого черта?! – прошипел он, грозно раздувая ноздри.

– Что «какого чёрта»? – ничего не понимая, ошпаренный его яростью, придавленный, я смог лишь удивленно вытаращить глаза.

– Какого черта ты лезешь не в свое дело? Кто тебя просил звонить в милицию? – процедил он.

– Меня? Когда? – из чувства самосохранения я стал напропалую отнекиваться. – В какую милицию?

– Ты из себя-то девственницу не строй! – злобно рявкнул Седой. – А я тебе не мальчик, чтоб со мной кокетничать. Запомни, – он больно ткнул в меня пальцем, – все, что милиции надо знать, она прекрасно знает и без тебя. Свой длинный нос суй во всякие другие места, но не сюда. Укорочу без наркоза. Это, говорят, довольно болезненно.

В этот момент я почувствовал себя своим дедом, которого в своё время допрашивал в НКВД этот самый злобный чекист. Всей своей шкурой, всеми потрохами я ощутил тот животный, панический страх, стирающий личность ниже пола, испытанный, должно быть, и моим дедом. Я тоже уже был близок к тому, чтобы признать, что являюсь шпионом мексиканской

разведки, и время от времени посылаю шифровки американскому президенту, английской королеве и японскому микадо. Незванный гость смотрел на меня, мягко говоря, недружелюбно.

– Так вот, – сказал он, – забудь свои дурацкие звонки и свои идиотские предупреждения. Я тебе совершенно серьезно заявляю, если будешь лезть не в свои дела, не согласовывая это со мной или со Станиславом Ивановичем, то лучше бы тебе...

И тут умерший было в моей душе протест ожил:

– Что лучше бы мне? Что лучше бы мне? – запетушился я. – Лучше бы мне сгинуть вслед за моим дедушкой?

– Лучше бы тебе... не вспоминать про своего дедушку, – медленно и недобро сказал, пряча брезгливую гримасу, мой мучитель. Он повернулся, по-звериному зыркнул на меня, и глухо приказал:

– Завтра ты со Станиславом Ивановичем вылетаешь в Америку. Чтобы до самолета ты сидел дома тише воды, ниже травы. Никаких звонков, и никакого общения, а если будешь выпендриваться, то я... в наручники тебя закую и посажу рядом своего человека! Понял ты меня или нет?

Он направился к двери.

– Понял, понял, – закивал я с готовностью, – конечно, понял...

«С ним лучше не связываться, – успокаивал я себя, закрывая за Седым дверь. – Да и, в конце концов, мало ли что мне могло померещиться. С какой стати я возомнил, что готовится убийство?» Руки мои мелко дрожали.

Убеждая себя таким образом, я принялся собирать вещи.

К моменту завершения упаковки чемодана я вспоминал свое утреннее видение, как полную чепуху.

Привычная чашечка ароматного кофе в любимом кресле под телемурлыканье неопознанной мною эстрадной дивы привели меня в более-менее благодушное состояние.

Мысли текли неспешно, не обжигая, не нарушая душевного комфорта, как бы по поверхности.

«И надо же было настолько впасть в детство, в фантазию, в дурь махровую, – благодушно ругал я себя. – Нет, Седой прав: на кой лях мне надо лезть во всякую чушь, мешать работать серьезным людям? Жизнь ведь и без ясновидения не плоха, ей – богу!...»

Мерное течение успокаивающих мыслей внезапно прервали непонятные хлопки во дворе. Я встал, подошел к окну и прижался лицом к стеклу.

«Неужели все та же чертовщина мерещится? Ну, сколько можно крутить один и тот же ролик!»

Нисколько не считаясь с моими внутренними воплями, передо мной предстала сцена, уже трижды виденная мной. Опять возле большого дерева медленно оседал человек в длинном сером пальто. И на его спине расплзлось темное пятно. Неподалёку стоял серебристый «мерседес», а под арку убегал некто с пистолетом в руке.

«Я, наверное, схожу с ума, – решил я. – Вижу убийство там, где другие спокойно ходят».

Протерев глаза, пригляделся внимательнее... и вдруг с изумлением заметил, что на этот раз никакого спокойствия и в помине не было. Пронзительно раскричались женщины. Одна схватила за руку сопротивлявшегося ребёнка и потянула со двора: он, ничего не понимая, ревел во весь голос. Старухи застыли в оцепенении, раскрыв рты. Собака, до этого мирно вертевшаяся около них, в надежде получить какую-нибудь подачку, взвизгнув, отскочила. Вороны с карканьем разлетелись кто куда.

«Надоело-то как, кто бы знал...» – вздохнув, я направился во двор, чтобы заставить проклятый мираж и на этот раз исчезнуть.

В полной уверенности, что во дворе ничего не произошло и жуткая картина существует только в моём воспалённом мозгу, я выбежал из парадной и бросился к лежащему у дерева

мужчине, но тот все не пропадал – лежал и лежал себе бесформенной горкой. Тут я натолкнулся на чей-то локоть (не фантомный, а вполне осязаемый) – какие-то люди уже образовали круг, склонившись над лежащим, залитым кровью телом. И мёртвое тело, и кровь, обильно испачкавшая снег вокруг, были настоящими... «Похоже, это уже не видения! Человек убит на самом деле».

Помимо воли из груди вырвался крик:

– Я же предупреждал вас! Я же звонил! Я же говорил, что его убьют!.. А-а-а-а, гады! – неистовство нахлынуло на меня.

Какие-то два дюжих молодца подскочили ко мне, схватили, заломили руки, куда-то поволокли.

Глава четвёртая. Стас

Есть люди, которые точно знают, что им в жизни надо, а что нет, и никогда не путают одно с другим. Эти счастливчики никогда не попадают в нелепые ситуации, им не приходится каяться в ошибках. То, что их не касается, они попросту не замечают. И они, конечно же, не совершают заведомо глупые поступки. Наверное, это и есть умение жить. Я, к сожалению, не отношусь к этой благоразумной категории. Моя жизнь сплошь и рядом захламлена довольно бессмысленными поступками, которые не делают мою жизнь легче.

Вот и сейчас, неизвестно зачем пустил в квартиру новую жиличку. Оно, конечно, мать Василия Фомича – женщина тихая, неприхотливая, безропотная. Но посторонний человек в доме – это посторонний человек в доме. Его надо накормить-напоить, спать уложить, разговором занять. Но самое неприятное, когда приходится уступать свою комнату. Правда, на этот раз я остался у себя, но Татьяна подселила мне нашего отпрыска, что мучительно. Парень достиг того «благословенного» возраста, когда подростки начинают считать себя умнее родителей и нисколько с ними не считаются. Мой сыночек сначала до полночи слушал в наушниках свой долбанный «рок». Потом черти его содрали ни свет, ни заря – умчался куда-то с грохотом. Заснуть я уже не смог, лежал, тихо ненавидя весь мир и изредка тупо поглядывая на будильник, пока стрелки, не торопясь, достигли семи часов. Встал с дикой головной болью, ощущая себя каторжником.

С большим трудом в прошедший месяц мне удалось выбить командировку в Штаты. Последнее время мой босс смотрел на меня совсем уж криво и не шёл на конфликт только потому, что я у него давно вышел в разряд людей странных, с издёрганной нервной системой, да и достаточно большое количество акций нашей компании, скопившееся у меня, не позволяло ему спустить на меня всех собак.

Помимо натянутых отношений с боссом, еще одно обстоятельство сильно беспокоило меня: бизнес не терпит и не прощает долгих и частых отлучек, его нельзя выпускать из рук. Мои разъезды могли довольно негативно сказаться на размере моего кошелька. Я утешал себя лишь тем, что, как только разберусь с Григорием, быстро приведу свои дела в надлежащий порядок, а пока, если механизм налажен, есть надежда, что некоторое время он будет работать и без моего участия.

Итак, в семь утра, взбудораженный собственным сыном и не выспавшийся, чувствовал я себя прескверно.

Дорога на кухню к спасительному кофе была непомерно длинной в это утро: я успел много чего «хорошего» подумать о моем драгоценном отпрыске. Усевшись за стол, хлебнув изрядный глоток обжегшего меня кофе, я начал было уже привычно обдумывать деловой распорядок предстоящего дня, как вдруг сверху надо мной грохнуло так, что я, вздрогнув, едва не пролил на себя находившуюся в моей руке чашку.

«Что им там неймётся с утра пораньше? Буйные недельные поминки вроде бы уже справили... Мебель, что ли, решили переставлять в семь часов утра?»

Без всякого удовольствия я проглотил оставшийся кофе, твердо решив ни во что не вмешиваться. Но, уже выходя на работу, невольно притормозил у дверей. На лестнице, ведущей к квартире покойного Василия Фомича происходило что-то из ряда вон – там стояли люди в милицейской форме. Тут и Ньюку вывели. Заметив меня, она стала запыленно выкрикивать:

– Станислав Иванович, хоть вы им скажите!.. Не виноватая я!.. Что они себе такое придумали?..

Милицейские сохраняли полную невозмутимость – картинка была привычная для них. Один, самый молодой, не выдержал, наконец:

– Гражданочка, не кричите, – попытался он успокоить Ньюку. – Мы во всем разберемся.

«Они всегда так говорят,— подумал я, — а потом разбираются либо камерой, либо лесоповалом, либо, вообще, «внезапной и скоропостижной»... За что это ее?.. Как это за что! — обожгла внезапная догадка. Ещё не вполне отойдя ото сна, я не сразу понял, что происходит. — Дядя Лёша исправно выполняет свою работу...»

Уже во дворе я проследил глазами, как добры молодцы препроводили вопящую Нюрку к обычному милиционерскому «воронку» с зарешеченными задними окнами, по-джентльменски — надо же! — посадили ее, захлопнули дверцы и увезли в неизвестном направлении.

«Лет на пятнадцать, — предположил я. — Если, конечно, выживет».

Несмотря на столь раннее время, вой моей соседки собрал порядочную толпу перед домом. Люди тихо перешептывались, иные осуждающе покачивали головами. Одна старушка семенящим шагом подошла ко мне и спросила возбуждённым шёпотом:

— Станислав Иванович, а в чем дело, не знаете?

Я посмотрел на нее взглядом стального карася и пожал плечами:

— Откуда мне знать? Милиции виднее — она знает.

Сев в машину и вставив ключ в замок зажигания, я восхищённо подумал почти что словами Пушкина: «Ай да дядя Леша, ай да сукин сын! Свое обещание держит!..»

Как ни странно, после этого малоприятного впечатления утра моё настроение поднялось. «Может быть, потому, — мелькнула мыслишка, — что теперь, после ареста Нюрки, я смогу смело отправить маменьку Василия Фомича в её же квартиру? И тем самым освободить свое жизненное пространство от постороннего человека, стряхнуть тяжесть опеки над пожилой женщиной?.. Так что же такое получается: нет во мне сердца? Нет доброты, сочувствия, совести?» Я на минуту задумался над этими старыми, забытыми понятиями.

«Какая, к чертям, нынче совесть? — оправдывался я перед самим собой. — Что это за слово в наше время? Звучит почти как архаизм. Люди в России совершенно забыли, что такое совесть. Её удобненько подменили на «деловые отношения». Если человек соблюдает договоренности, значит, у него с совестью все в порядке. А если нет, — значит, он бессовестный. И никого не волнует, что это за договоренности. Касаются ли они поставок сомнительных продуктов и медикаментов с просроченными датами, транзита наркотиков или сооружения очередных финансовых пирамид, — не имеет значения. Новорусская мораль проста: бессовестный тот, кто нарушает какой-то пункт договорённости. — Я почти убедил себя. — Тот, кто изменяет так называемым «понятиям». И в наказание за это — не гнев Господа Бога, а несколько выстрелов, включая контрольный. Вот и весь вопрос совести, в современной России. Печально, но факт. А что до меня... — тут я похлопал себя по щеке. — Скажи, солнце мое, лично у тебя, гордо именующегося российским бизнесменом, лично у тебя есть ли эта самая совесть? Только не ублюдочная, перенятая от уголовников, а настоящая, как у Достоевского и Толстого?»

Вопрос был болезненный, но я попытался утешить себя тем, что, если бы у меня не было совести, то я вряд ли стал бы заниматься столь затратным и опасным делом Григория.

Мой внутренний монолог прервался сам собой, потому что машина подъехала к офису. С чувством душевного дискомфорта я поднялся к себе в кабинет. Будь я американцем, позвонил бы сейчас своему психоаналитику. А по русскому обыкновению — лучше всего поговорить с кем-нибудь по душам.

Я вспомнил главбуха Тимура Ильича — увы, этот «совестливый» человек в моем неформальном внимании к нему заподозрил надвигающееся разоблачение своих финансовых махинаций. Моя попытка тёплого человеческого общения с ним явно напугала его.

«С кем бы еще поговорить по душам?» — невесело усмехнулся я. Кроме секретарши, никого рядом не было. «А почему бы, кстати, с ней не поболтать?» — пришла мне мысль.

В секретаршах у меня служила новая девица — дочка начальника отдела капитального строительства, студентка-заочница факультета по менеджменту. Современная неглупая особа — вполне способная поддержать разговор.

– Как ваши дела, Вероника? – спросил я её. – Как настроение?

Девушка вскинула на меня большие, густо накрашенные глаза и, раскованно качнув бедрами, произнесла томным голосом:

– Да как сказать, Станислав Иванович, душа болит.

«Как хорошо, – волна радости накатила на меня, – человек сам заговорил о том, о чём я хотел поговорить».

– Что случилось? – Я был само участие. – Почему она болит?

– Да, вот... как-то... мужчины подходящего нет рядом.

Я оказался неготовым сходу чем-либо утешить Вероничку и неуклюже замолчал. Воспользовавшись моим замешательством, девица неожиданно ловко уселась ко мне на ручку кресла, усугубив ситуацию. Я чувствовал себя обманутым. И тут еще, до изумления некстати, в кабинет вошла одна из старых сотрудниц фирмы, заведовавшая поставками стройматериалов. Разумеется, на ситуацию она отреагировала по предъявленному факту. Строгий взгляд моментально срисовал фривольную позу Вероники, ее бедро, оголенное до последней возможности, набедренную повязку, которую юбкой можно было назвать лишь с сильным преувеличением. Непокоебимое резюме было вынесено: матрона посмотрела осуждающе, поджала губы, положила бумаги на стол, резко повернулась и вышла.

«Нннда! Поговорил, называется, по душам! – досадливо поморщился я, не слишком вежливо смахивая «живописный букет» с ручки кресла, а затем за дверь. – Теперь сплетни пойдут: не дай Бог, Татьяне моей или отцу этой шустрой девчонки донесут. Самое забавное, что здесь я невинен до стерильности, а история может получиться препакостная».

«Так с кем же мне душу отогреть? Разве только с Богом. С людьми у меня что-то не получается. Икону, что ль, на стену повесить?»

Я живо представил себе лицо босса, созерцающего мое нововведение. И это – вдобавок к моей и без того подмоченной репутации. Дурдом!

«Кстати, не поискать ли мне там достойного собеседника?» – усмехнулся я и окунулся в работу.

Я хотел позвонить дяде Леше и поблагодарить его за столь быструю реакцию на мою просьбу, но решил, что делать этого не стоит: велика вероятность того, что на всех наших офисных телефонных проводах висят «прослушки» конкурентов. День потек в обычном режиме.

После работы я рванул к Григорию. Нужно было проверить, все ли у этого растяпы готово к отъезду. Он стал моей постоянной головной болью, а его мистические заморочки просто пугали меня. Моя забота о нем приобрела какие-то отцовские черты, я беспокоился о нем до болезненности. Например, зная его странности, его непредсказуемость, его невероятную душевную хрупкость, я страшился даже оставлять его одного.

Я поднялся по ступенькам к двери квартиры его матери, где он пребывал, и нажал на звонок. Мне так долго не открывали дверь, что я успел перебрать в голове очень много вариантов исчезновения моего подопечного. Я стал дубасить в дверь кулаком, наконец, я услышал внутри признаки жизни. Дверь отворилась, на пороге стоял Григорий, вид которого поверг меня в некоторое замешательство. Он был замотан до самого носа в толстенный шарф, вместо речи издавал маловразумительное мычание, махал руками, показывая на горло, двигался дико, некоординированно. Он был как будто не в себе.

– Ты что, заболел? – негодуя и, одновременно, сожалея, спросил я.

«Все у него некстати – нелепейший человек!»

Голова в шарфе опять что-то «мукнула» и активно закивала, дескать, да, да – болен...

Через секунду, когда негодование спало («Ну что уж я так резко! Все мы люди, никто от болезни не застрахован. Чего уж я так разъерепенился?»), я поинтересовался:

– Что, и температура высокая?

Голова продолжала кивать, невнятно мычать, подключилось пожимание плечами, потрогивание рукой горла. Мне это надоело:

– Знаешь что, иди-ка ты в комнату, ложись опять в постель, попозже тяпни водки с перцем – за ночь все пройдет. А мне надо позвонить одному человеку.

Я заглянул в комнату: постель аккуратно заправлена. На столе стояла недопитая чашка кофе, а из пепельницы поднимался дымок недокурной сигареты. Не похоже было, что здесь кто-то сегодня болел. А сигарета?..

– Ты чего это, брат, курить, что ли, начал? С чего бы это? Да еще с больным горлом.

Ответом послужило молчание.

– А, черт с тобой! – махнул я на него рукой. – Я сейчас сделаю один звонок от тебя, а ты ляг. Ну, иди, иди, ложись... Завтра с утра, чтобы ты был готов к отъезду, как штык. Если не поправишься за ночь, придется переносить вылет на другой день.

Григорий поднял на меня глаза, в них плескалось недоумение и обостренное внимание. Чем-то все это мне сильно не понравилось, но я не стал вникать в свои ощущения.

– Ложись, тебе говорю. Так, где у тебя телефон-то?

Наконец, я нашел его на кухне, хотел уже прикрыть дверь, чтобы не посвящать хозяина в дела дяди Леша, но обнаружил, что аппарат не работает.

– Телефон у тебя, что ли, сломался? – крикнул я раздраженно. В ответ – ничего, кроме звука двигаемой табуретки.

«Ну и молчи! – чертыхнулся я про себя. – У тебя даже телефон не работает, не говоря о голове. Ладно, позвоню по сотовому из машины».

– Ты врача вызывал? – спросил я перед уходом более грозно, чем собирался. Григорий в ответ опять что-то замычал. Я пожалел, что задал вопрос: общение с немым мне уже изрядно наскучило. Это нечто в шарфе напомнило мне идиота, издающего нечленораздельные звуки, пускающего пузыри изо рта.

«Вот еще не хватало, – ужаснулся я, подавляя чувство омерзения и жалости, – чтобы он не просто заболел, а умом тронулся. У него даже походка изменилась, похоже, парень совсем плох. Елки-палки, одни неприятности!»

Я спустился в машину, быстро набрал номер телефона дяди Леша. Вместо привычного «Здравствуй, сынок!» я услышал, как он орет на меня дурным голосом.

– Что ты, вообще, себе позволяешь? Ты в состоянии проследить за своим приятелем или нет?

– Да знаю я... – робко стал оправдываться я. – А вам откуда известно, что он заболел?

– Да, – прорычал дядя Леша, – заболел твой Гриша, на всю голову сразу. Срочно приезжай ко мне. Надо его забирать к чертовой матери.

– Откуда забирать? – не понял я.

– Ну, ты там ещё посиди с кайфом, а я тебе песенку спою. Некогда мне ждать, пока ты сообразишь, – очень резко сказал дядя Лёша. – Быстро ко мне, и мы решим этот вопрос.

«Что еще за ерунда, – недоумевал я, – какой еще вопрос?» Но настаивать на разъяснениях не стал: уж больно дядя Леша был зол. Я решил тихо выполнить его приказ, и минут через двадцать был уже у него дома.

Старый чекист пребывал в такой ярости, что находиться около него казалось небезопасным: током убьёт! Его волосы были всклочены, щетина на желваках ходила ходуном, глаза метали молнии.

– Ты, вообще, следишь за приятелем или нет? – повторил он свой странный вопрос. – Что он себе позволяет?

– Господи, – в отчаянии сказал я, – ничего не понимаю. Да что он натворил? У него ведь ангина.

– Да какая у него, к черту, ангина! – взревел дядя Лёша. – В мозгу у него ангина... Скажи спасибо, что мы его нашли: в двадцать седьмом отделении милиции торчит. Езжай, заведи его, придурка. Что он творил сегодня у себя во дворе, рассказать невозможно: орал, как зарезанный, закатывался в истерику, вопил невеста что. Я думал, что имею дело с серьезными людьми, а на самом деле связался с истеричными идиотами. Немедленно вези его ко мне, пусть-ка он мне все объяснит.

Ничего не понимая, я поехал по указанному адресу. Зашел в отделение милиции в полной уверенности, что сейчас все разъяснится, исправится какая-то дурацкая ошибка. Только абсолютная невозможность спорить в этой ситуации с дядей Лёшей вынудила меня к этой поездке. Но, к сожалению, все оказалось не ошибкой.

Как только я представился, дежурный милиционер достаточно услужливо провел меня к «обезьяннику». Там меня ждала живописная сцена: полуживой наркоман, при аресте с перепугу наловившийся наркотиков, деловито блевал в углу; замусоленный алкаш периодически настаивал: «Свободу попугаю! Менты, кыш отсюда!» При чем здесь попугай, я не знал, но сильно подозревал, что повышенная активность смельчака ничем хорошим для него не кончится.

Как только я увидел знакомые очертания худенькой, жалкой, скрюченной фигуры моего бедного друга в самом дальнем углу, я был поражен ирреальностью ситуации: каким образом Гриша умудрился так быстро попасть из одного места в другое, причем, весьма отдаленное? Никакого шарфа на моем приятеле не наблюдалось, и не было похоже, что он простужен.

– Как твоё горло? – так и не поборов недоумения, осторожно спросил я.

– Какое горло, Стас? – утомленный, ничего не понимающий взгляд Григория озадачивал меня ещё больше. – Меня почему-то схватили, избили, приволокли сюда. Забери меня отсюда...

Процесс изъятия Григория из «обезьянника» произошел, на удивление, быстро. Думаю, что и тут не обошлось без всемогущего дяди Лёши. Вид у моего освобождённого друга был весьма непрезентабельный, сильно помятый. А самое ужасное: он источал премерзевший запах, не оставляющий сомнений, где именно он провел последнее время. Милиционер мне сказал, что забрали его еще днём. Странно, если учесть, что всего час назад я видел Григория дома.

Ещё, что не давало мне покоя в этой, до изумления странной ситуации, – это абсолютное исчезновение всех признаков несомненной болезни Григория, которые я чуть раньше наблюдал в нём собственными глазами. Я не знал, как к этому относиться. Единственное, что я знал, – надо отвезти моего непостижимого друга к дяде Лёше. Я так и поступил...

На этот раз дядя Лёша был – сама терпеливость, но видно было, что он с трудом себя сдерживал, от него искрило как перед большой грозой.

Он приступил к Григорию мягко и вкрадчиво, но у меня – мороз по коже:

– Рассказывай, голубчик, каким Макаром ты угодил в отделение милиции после того, как я тебе конкретно сказал не высываться?

Старый чекист был воистину страшен.

Григорий в запредельном ужасе конвульсивно выдавливал из себя слог:

– Я... я... ни... че... го... Уби... ли... че... лове... ка... Ис... пу... гал... ся, за... кри... чал...

– Что ты кричал, вспомни! – ястребом закружил над ним дядя Лёша. – Впрочем, не надо, я и так все знаю.

Тут с Григорием что-то произошло – по-моему, он стал, мягко говоря, неадекватен.

– Да, да, – неуместно оживленно, даже радостно, сказал он и принял позу Пушкина, выступающего перед Державиным в лицо. – Я же сообщал! А вы! Почему вы мне не поверили? Почему допустили убийство?..

Зря он это сказал. Буря разразилась немедленно. Дядя Лёша не говорил – он сплошь матерился. Изловчившись, когда он шумно набирал воздух в грудь для очередного захода, я ввернул ненатурально спокойным голосом:

– Дядя Лёша, так мы завтра летим в Америку?

На что получил в самых непарламентских выражениях очень подробный совет, куда и почему нам нужно, на самом деле, лететь, и немедленно.

Но ничто не бывает вечным, пошла на убыль и эта буря. Красный, как флаги его юности, дядя Лёша, наконец, резюмировал:

– Да, вы летите в Америку! Поэтому завтра ты и вот этот... – далее последовало нелитературное определение в адрес Григория, – чтобы в семь утра были готовы. За вами приедет машина. Понятно?.. – Гроза всё ещё напомнила о себе мощными разрядами ненормативной лексики. – Чтобы в Америке сделали все, как надо.

Я подхватил своего ватного друга, вывел из квартиры, усадил в машину. Уже в дороге вспомнил о его загадочном раздвоении. Забавная получается история, как в том анекдоте, когда забывчивая еврейская жена, уснув с любовником, видит вдруг у постели мужа, неожиданно вернувшегося домой, и спрашивает у него: «Абрам, это ты? А тогда, кто это?..»

Кого же я видел в квартире Григория, если сам он в это время обретался в «обезьяннике»? Самое отвратительное было то, что не было никакой возможности спросить об этом самого Гришу. Я хорошо знал своего друга и видел, что он просто на грани. Ему бы сейчас очень не помешала консультация хорошего психотерапевта, а, может быть, и психиатра. А тут еще я со своими дурдомышными вопросами. «Нет уж, пусть все идет своим чередом, время покажет...»

Мы поднялись к двери Григория. Медленно, неуверенными движениями он вытащил ключи, повернул в замке, покачиваясь, прошел в дом. Никакого Второго там уже не было. Я, подобравшись, как хищник на охоте, внимательно обследовал квартиру. Исчез не только двойник, но и малейшие признаки его присутствия здесь. Не было ни чашки с кофе, ни сигарет, ни даже запаха сигаретного дыма. Пепельница стояла на обычном месте за шторкой на подоконнике, чистая, сухая. Гриша «потчевал» ею курящих знакомых. Нигде никаких следов постороннего присутствия.

Я почувствовал себя не очень здорово. Что же, черт возьми, происходит? Тут в памяти всплыло то беспокойство, от которого я отмахнулся в первый свой сегодняшний визит сюда. Вспомнились глаза над шарфом, в которых были удивление, настороженность, острое внимание, но никак не болезнь. Человек был, конечно, похож на Григория, но почему он молчал? И этот кофе с сигаретой... и эта совершенно новая походка... Неужели я принял за Григория другого человека?

Не заметив на лице моего друга никакого беспокойства и ни в коем случае не желая, чтобы оно появилось, я спросил, как можно безразличнее:

– Посмотри, все ли здесь у тебя на своих местах?

Я был мягок, но настойчив и буквально заставил Гришу осмотреть квартиру. Он упорно, как попугай, повторял, что все на месте, ничего не тронут.

– А документы? – спросил я. – Посмотри, документы целы?

– Документы?... – переспросил он, словно соображая, что это такое, не сразу направляясь к ним.

– Нет, – через минуту он подал голос, – все документы на месте. Только, знаешь, мне кажется, что они лежат в другом порядке...

– А «Тайна», – я беспокойно заглянул в его глаза, – «Тайна» – на месте?

Григорий усмехнулся одними губами:

– «Тайна» всегда со мной, Стас. Вот на этот счет ты можешь не волноваться.

Глава пятая. Дикий

Операцию по изъятию бумаг из квартиры учёного старикана Батяня, как обычно, тщательно продумал и подготовил. По его плану, я должен был заявиться к учёному хмырю под видом некоего Божьего избранника, каковым полоумный старикашка считал моего братца. Вот ведь народ: учат их, учат в институтах и академиях, а всё одно, как до старости доживут, так в маразм впадают и в любые небылицы верят! Короче, в обстановке расслабляющей беседы о всяких там высоких миссиях я должен был выяснить наличие у старика нужных Батяне документов, касающихся моего... то есть братцева, избранничества и какого-то древнего философского камня. Ну, а потом, само собой, приватизировать документики.

Поначалу всё шло, как по маслу. В парике я выглядел точь-в-точь, как мой изнеженный двойник, я даже манеры братца перенял, благодаря длительным наблюдениям и репетициям под руководством Батяни. Старик подмены не заметил, раскрыл уже свою секретную папочку и давай вещать о моей миссии. Оказалось, что я должен якобы исполнить древнее пророчество – привести мир к Богу. От неожиданности я аж поперхнулся, – мне столь же мало нужен Бог, как я – ему; для меня, где начинается царство Божие, там конец жизни, – и я матерно выругался. Тут-то старый гад всё и распознал! Как он закричал истошным голосом – у меня чуть барабанные перепонки не лопнули. Ну, делать нечего – пришлось его утихомирить разрезом от уха до уха.

И, хоть я принёс всё, что было нужно, Батяня был зол на меня, как сволочь. Он даже не взглянул на бумаги, а лишь прошипел:

– Знаешь, что! Будешь так топорно работать, в следующий раз самого прикажу ликвидировать!

– Ты! – взвился я. – Ты говори, да не заговаривайся! У меня на тебя много чего есть!

– Чего у тебя есть?! Чего у тебя есть, гнида ты паршивая?! – завопил Батяня так, что мне стало не по себе. Я никогда его таким не видел. – Ты лучше сосало своё заткни и больше тут не выставляйся! А то ведь я не шучу – закончится всё может для тебя ой как плохо! Пестовал тебя, гадёныша, думал, хоть немного поумнееешь, а ты мне все дела заваливаешь, одно за другим! Да ещё и хорохоришься! Иди на хрен с глаз моих!

– Так что, Батяня, значит, разошлись наши пути-дорожки? – спросил я, почувствовав радость от того, что появился у меня шанс зажить самостоятельной жизнью.

Радоваться, конечно, особо было нечему, но и огорчаться тоже. Если Батяня не убьёт меня, а просто выгонит, так лучшего и пожелать нельзя: надоела мне его опека хуже горькой редьки. Эх, вспомнил бы свои былые развлечения, до которых меня Батяня не допускает. А посадили бы опять – ну и ...! Зато нагулялся бы вволю, людишек погонял! Так сказать, самореализовался бы на путях разрушения. Некоторых фраеров коробит от убийств, а для меня они – не преступления, а проявление силы сильного человека. Только опасение, что меня самого могут замочить, не даёт мне решать все мои проблемы убийствами.

Но Батяня был хитёр и просто так, как я понял, никого не отпускал.

– Бабу помнишь? – буркнул он.

– Ту, что ли, с розами? Ещё бы! Как такую не запомнить!

– Во! Будешь ей, так сказать, поддержка сзади.

– Это как – сзади? – хохотнул я.

Батяня так посмотрел на меня, что хихикать мне сразу расхотелось.

– Ты, недоделок! Умника из себя не строй!.. Придёшь завтра, получишь инструкции. А сейчас – убирайся, видеть больше не могу твою рожу!

«Да пошёл ты... – выматерился я про себя. – Ещё посмотрим, что ты мне предложишь!»

Оказалось, посмотреть было на что. Это ж надо, куда меня Батяня задумал отправить! Аж в Соединённые Штаты! Да я дальше Грузии в беспамятном детстве сроду никуда не вылезал, а тут – на тебе, заграница! Да не какое-нибудь там «ближнее зарубежье», а самая что ни на есть настоящая! Да ещё с такой бабой! Я бы с ней хоть куда, хоть в Новохопёрск бы поехал, не то, что в Штаты. Правда, она, стерва, хоть и привечала меня на словах, но до моего уровня не опускалась. Вроде как своё превосходство демонстрировала. Поэтому у меня на неё давно руки чесались. Прибил бы я её, суку, да нельзя – большие деньги были замешаны, да и Батяня с меня живого за это шкуру бы содрал. Ну и свой интерес у меня тоже был. Надеялся я, что рано или поздно братца своего замочу и займу его место. А вот потом посмотрим, чья возьмёт! Может, тогда и эта красotka совсем по-другому на меня глазками-то поведёт...

Батяня, конечно, с моей помощью какую-то свою игру вёл, но моя игра, по-моему, была не хуже. Рано или поздно я с братцем разделаюсь, а там уже Батяне ничего другого не останется, как меня на его место поставить. Вот и пытался я действовать втихаря.

На следующий день собрались мы втроём: я, Батяня и баба эта, и стали обсуждать план действий. Планы, конечно, были стоящие. Баба, как я понял, наметила в Штатах какого-то богатого дядьку и собиралась его охмурить, а его деньги и недвижимость на Батянину фирму перевести.

– Интересненькое дело, – скривился я, – а я-то на фига вам там нужен? Свечку, что ли, держать?!

– Ты молчи, идиот, – оборвал меня Батяня, – у тебя дело одно...

– Ну, так ты говори толком, какое? Если пришить кого, так я там без надобности – эта милашка сама, кого хочешь, уберёт, да так, что никто и не ойкнет.

– Заткнись! – рассердился Батяня. – Твоё дело одно: ты у нас теперь будешь диабетиком.

– Чего-чего? – не понял я.

– Ты лишних вопросов не задавай! Если ты со своей кривой рожей образования не имеешь, то затихни и пей лекарства от глупости.

Баба посмотрела на меня, словно на только что отобранный живой товар, прищурила свои хитрые лисьи глаза, усмехнулась и сказала:

– Конечно, неохота мне таскаться с таким идиотом, но, к сожалению, для наших целей нужен кто-то абсолютно тупой.

– Ну, знаешь! – я вскипел от очередного оскорбления, и руки сами потянулись к шее этой наглой стервы.

– Сидеть! – прикрикнул Батяня. – Тебе деньги нужны? Или ты всю жизнь рассчитываешь на моих харчах тянуть? Вот поедешь в командировку и сам заработаешь!

– Я-то поеду, не сомневайся. И заработаю! – кипятился я. – Только ты этой стерве скажи...

– Как ты меня назвал, урод? – баба поднялась со своего места и подошла ко мне оттопырив наманикюренный указательный пальчик. Приблизившись вплотную, она подхватила меня этим пальцем за подбородок, задрал мою морду к свету. Мне резануло по глазам, и я зажмурился.

– Хм, – недовольно хмыкнула она, – жмуришься, как... – она задумалась, подбирая подходящее слово, и, наконец, с отвращением сказала, – дикий зверь. И пахнет от тебя диким зверем. Так вот, зверёныш, ты уже один раз подступал ко мне с ножом! Помнишь, чем всё кончилось? Не дай тебе Бог ещё так со мной ошибиться... И никаких розочек! – заявила она, взглянув на Батяню.

– Да-да, дорогая, – подобострастно ответил тот. – Мы уже с тобой всё это обсудили.

– Смотрите, – менторским тоном завершила она, отпустив, наконец, мой подбородок, но оглядев нас обоих таким взглядом, что мы невольно съёжились, – на этот раз никакой самодеятельности. Ты же меня знаешь, – обратилась она к Батяне, и в его глазах мелькнул такой

испуг, что я понял: он её знает с опасной стороны, – я могу решить дело и по-своему. Но тогда, голубчики, – она снова смерила нас своим холодным взглядом, – вы у меня оба не обрадуетесь.

Может быть, так смотрит кобра за секунду до того, как ужалить свою жертву: дерзко, холодно и неотвратно. Усилием воли отведя глаза в сторону от этого гипнотизирующего взгляда, я решил, что лучше мне не рыпаться и соглашаться на все её условия. Тем более, что нам вместе отправляться в Америку, и лучше поддерживать нейтралитет, чем заполучить в её лице смертельно опасного врага.

Позже я узнал от Батяни, что эта красивая стервочка, или, как я её про себя окрестил, «белокурая Жизель», в своё время была чеченской снайпершей, поэтому цена человеческой жизни для неё была не дороже пули. Сколько положила она нашего русского «пушечного мяса» на той войне, она никому не рассказывала, но, судя по тому, какой лёд и пустота зияли в её молодых ещё глазах, видимо, не мало. В принципе, это в ней мне даже нравилось. Мне хотелось посоревноваться с ней: у кого на счету больше загубленных душ. Вместе с тем я ненавидел эту красивую, уверенную в себе бабу. Ненавидел за её превосходство, за то, что она сильнее меня, за то, что никогда не смогу ей овладеть, чего мне, несмотря ни на что, страстно хотелось.

В Америке моя спутница сразу принялась за реализацию намеченного плана. Со всем женским старанием она обхаживала того самого мужика, о котором говорила в России, – то ли психолога, то ли психотерапевта. Естественно, целью её игры было скорейшее вступление в права законной супруги этого тьюфака.

Меня она упекла в дешёвый непрезентабельный отель, где я целыми днями просиживал, чувствуя себя полным идиотом. На меня была возложена только одна странная обязанность: раз в неделю я должен был посещать врача-диабетолога, выписывать у него рецепт на получение инсулина, покупать его в местной аптеке и передавать моей белокурой Жизели. Никаких других дел у меня не было, поэтому большую часть времени я бесцельно слонялся по городу. Наконец, когда я совсем ошалел от безделья, мне вспомнилась старая, ещё зоновская привычка следить за своим ближним, и я решил в качестве хоть какого-то развлечения начать слежку за Жизелью. Правда, помня о том, как быстро она меня раскусила в прошлый раз, когда я следил за братом, теперь я был очень осторожен и держался на почтительном расстоянии.

Устроилась она по-королевски – вместе с новоиспечённым мужем занимала роскошный особняк в престижном районе. Пару раз удалось мне увидеть этого лоха, который польстился на её прелести: обыкновенный старый козёл, плешивый, в золочёных очках. Как смешил меня его заумный вид и важная походка, весь его самодовольный, напыщенный вид! Глядя, как он вышагивает под руку со своей супругой-змеей, шествуя, словно под звуки американского гимна, я еле удерживался от смеха: мне-то было известно, что Жизель не даст ему долго наслаждаться семейной жизнью, и дни его сочтены! Он, конечно, не чувствовал своей близкой кончины, а мне мысль о том, что скоро этой самодовольной свиньи не станет, приносила огромное наслаждение.

Мы с моей партнёршей заранее разработали два плана действий. По первому из них я должен был помочь ей устроить несчастный случай... Ещё на первом сговоре в России, когда мы обсуждали план действий с Батяней, она категорически заявила, что не потерпит никаких повторений. «Любое однообразие, – утверждала она, – наводит на мысль о серии. Больше никаких розочек! В полиции США не идиоты служат, поэтому не должно быть никаких признаков насильственной смерти. Всё должно быть исполнено безупречно, чтобы ни один легавый не смог подкопаться». Её осторожность и предусмотрительность мне, конечно, нравились, но вот как на деле отправить американца к праотцам так, чтобы никто ничего не заподозрил, я представить себе не мог.

Наконец, мы решили, что самое простое – автомобильная катастрофа. В один прекрасный день Жизель, встретившись со мной, сказала, что пора начинать операцию. По её плану, я должен был прикинуться русским эмигрантом, страдающим глубокой депрессией, и обра-

титься за психиатрической помощью к её мужу. Он дал согласие меня обследовать (назвав, конечно, баснословную сумму за свои услуги, но поскольку впоследствии Жизель планировала прибрать к рукам всё его имущество, мы могли пообещать ему всё, что угодно). На радостях он был так любезен, что даже согласился подвезти меня до своей клиники. Дальнейшее было делом техники: Жизель сидела за рулём, мы собирались доехать до безлюдного места, прикончить америкашку, а потом поджечь машину и столкнуть в океан. Безутешная молодая супруга через несколько часов позвонила бы в полицию, отчаявшись найти своего горячо любимого мужа и, после непродолжительных поисков, машину бы обнаружили, признав, что в силу возраста гражданин не справился с управлением и жизнь прекрасного врача и образцового супруга трагически оборвалась...

Я сидел на заднем сидении и уже приготовил удавку, как вдруг... машина заглохла посреди трассы. Я мысленно выругался, проклиная этого инфантильного придурка, который так увлёкся любовными утехами с молодой женой, что забыл об элементарном уходе за машиной! Запланированная нами трагедия на глазах превращалась в фарс. Наша потенциальная жертва с виноватым видом сидела в машине, выпучив глаза и бормоча какие-то извинения, в то время как Жизель, выскочив из машины, как разъярённая фурия носилась вокруг неё... Короче, ехать дальше было невозможно, и я подумал о том, что, если бы я к этому времени уже успел придушить психиатра, нам трудно было бы объяснить полиции, что мы делаем посреди трассы в заглохшей машине с трупом.

Видя, в каком неистовстве пребывает его жена, америкашка, мило улыбнувшись и извинившись передо мной, вышел к ней, о чём-то с ней пошептался и, набрав номер на мобильном телефоне, вызвал сервисную службу. Техническая помощь приехала так быстро, как будто дожидалась его звонка в ближайших кустах. Под аплодисменты невидимых зрителей из ада она забрала машину в ремонт, оставив нас троих предаваться разочарованию. Конечно, у каждого из нас был для него свой повод. Мы поймали такси и разъехались по домам.

Самым неприятным во всей этой истории было то, что теперь американец знал меня в лицо, и я уже не смог бы подобраться к нему незамеченным на улице, чтобы разыграть хулиганское нападение.

После такого глупого провала мы решили запустить план номер два. Его идея была проста. Инсулин, которым я регулярно снабжал Жизель, не только лекарство, но и яд, при превышении обычной дозы вызывающий тяжёлый сердечный приступ. Его преимущество перед другими ядами, как объяснила мне красотка, в том, что он не оставляет никаких следов в организме, поэтому ни одна экспертиза не сможет установить факт отравления. Дело было за малым – каким-то образом подсунуть нужную дозу плешивому. Конечно, здесь всё должно было произойти в мирной домашней обстановке, получить яд он должен был из рук жены.

Моё участие в такой операции было излишним, поэтому я валялся в своём отеле и предвкушал скорое завершение операции, высчитывая сумму вознаграждения, которую должен буду получить от Батяни, как вдруг среди ночи подскочил от неожиданного телефонного звонка. Звонила эта белокурая бестия. Вместо извинений за звонок в такое неурочное время, или хотя бы приветствия, я услышал в трубке её резкий голос:

– Немедленно приезжай!..

С досадой натягивая штаны, я думал, что, видно, второй план тоже даёт сбой, и эта операция закончится не так быстро, как мне бы хотелось.

Приехав на место, я убедился, что наш план, действительно, под угрозой срыва: Жизель решила смешать инсулин с водкой, надеясь, что таким образом легче всего будет уговорить очкарика его принять, но здорово просчиталась. Америкашка оказался воинствующим поборником трезвости и наотрез отказывался пить! Было уже три часа ночи, и на его месте любой мужик давно бы уже сдался и выпил бы, уступив уговорам такой прелестницы, но этот упрямый

козёл не соглашался ни в какую. Я понял, что Жизель вызвала меня, чтобы создать видимость вечеринки и облегчить себе задачу по склонению благоверного к выпивке.

Дверь мне открыла их домработница. Это была странная рыжеволосая тётка, очень похожая на ненормальную. «Неужели он берёт к себе на работу пациентов?» – удивился я. Тётка смерила меня неприятным подозрительным взглядом, и я даже подумал, не убрать ли её за компанию, но потом решил, что в суде она всё равно выступить не сможет, поскольку показания сумасшедших судом не учитываются. Вот только сумасшедшая ли она?.. Я не стал долго размышлять на эту тему, рассудив, что проблемы нужно решать по мере их поступления. А проблемой номер один пока было то, что америкашка отказывался пить и срывал нам последний из заготовленных планов.

Войдя в гостиную, я застал события в самом разгаре. Очкарик стоял посреди комнаты и громко обвинял устроившуюся за столом раскрасневшуюся Жизель:

– Я не мог даже предположить, что моя жена может быть во власти страшного русского порока – алкоголизма! Ты же медик, как ты можешь не знать про необратимый вред, который наносит алкоголь организму?! К тому же причина пьянства у всех одна – слабоволие. Если бы ты сказала раньше о том, что нуждаешься в выпивке, я, возможно, ещё подумал бы о том, чтобы жениться на тебе!..

– Простите, – кашлянув и прервав его гневную тираду, сказал я, обращаясь к нему, – кажется, вы говорили, что согласны провести со мной сеанс психотерапии.

Я казался самой скромностью и вежливостью. Видимо, мой визит был настолько неожиданным, а профессиональный рефлекс очкарика настолько сильным, что он мгновенно принял важную позу, поправил на носу очки и, вместо того, чтобы немедленно выгнать меня и предложить впредь не являться в ночное время, лишь пожурил:

– Почему же вы выбрали такое непригодное для визита время?

Я придал своему лицу несчастное выражение и ответил:

– Понимаете, я почувствовал обострение своей депрессии, до того сильное, что не могу спать. Мне необходима помощь специалиста. К тому же, вы сами назначили мне.

– Я? Вам? Назначил? – удивлённо спросил он.

– Да. Помните, когда сломалась ваша машина, и пришлось отменить сеанс, вы сказали, что я могу прийти в любое удобное для меня время.

Жизель вдруг оживилась:

– Как прекрасно! – воскликнула она, словно продолжая разговор о чём-то своём, наболевшем. – Теперь у меня хоть есть, с кем выпить! Давай, земляк, садись. Выпей со мной в тоскливую минуту, раз этот гордец мной брезгует.

Она произнесла эти слова с такой искренней горечью, а ее повлажневшие прекрасные глаза так блестели, что даже я на минуту поверил: убивается баба от тоски по родине.

– Земляк! – продолжала она. – Ведь у нас в России никто не ходит к психотерапевтам! У нас достаточно посидеть вечером с хорошим другом, выпить, поговорить – и никакой депрессии! А мой муж этого не понимает. Он не хочет даже попробовать! – она всхлипнула, для убедительности поднесла к глазам салфетку.

– Конечно, – поддержал я её, – давай выпьем. Возможно, мне и вправду именно этого и не достаёт...

– Понемножечку, всего лишь по чуть-чуть, – она достала изящную, украшенную множеством лейблов бутылку и театральным жестом пригласила меня к столу.

– Так, может быть, и вы, доктор, рискнёте проверить эффективность русской терапии и, по нашей традиции, выпьете с нами на троих? – спросил я, взглянув на очкарика.

В ответ он лишь ехидно улыбнулся:

– Нет уж. Увольте. Но раз вам так хочется – пейте на двоих.

Тут я понял, что настала моя очередь уговаривать американца. Ведь постороннему человеку, да к тому же потенциальному клиенту, отказать сложнее, чем собственной жене.

– Не знаю, как у вас в Америке, – заупрямился я, – но у нас в России, если человек отказывается выпить с гостем, он наносит ему страшное оскорбление. Таких людей изгоняют из общества и не ведут с ними никаких дел. А ведь я хотел заключить с вами договор, и заплатить за консультации приличную сумму, – для убедительности я вынул из кармана и показал ему толстую пачку однодолларовых купюр, которые собрал для обмена на стодолларовую бумажку. Это был довольно грубый и дешёвый приём, но, как ни странно, американец на него клюнул.

– Ладно, – неохотно сдался он. – Только по чуть-чуть, в знак уважения ваших традиций. Хотя мне, честно говоря, они непонятны.

Впрочем, нам и не нужно было, чтобы он выпил много. Хватило одного глотка, чтобы он откинул копыта. Разумеется, из рук Жизель выпил только он один. Всё произошло быстро и аккуратно: состоятельный гражданин США внезапно скончался от сердечного приступа, и его безутешная жена получила в наследство всё имущество.

Я с удовольствием принял от Батяни полагавшуюся мне зарплату и быстро прокутил её в увеселительных заведениях Лос-Анджелеса. В моих загулах по кабакам иногда участвовала и Жизель, мы отлично проводили время и были довольны жизнью. И вот, в самый разгар моих увеселительных походов, из России поступил новый приказ от Батяни:

– Так, уважаемый, – иронично сказал он в трубку, – работу свою ты сделал, теперь пожалуй обратно.

– То есть как – обратно? – разочарованно протянул я.

– А так, – голос Батяни стал твёрдым. – Чтобы через три дня был в Питере!

Глава шестая. Григорий

Я закрыл за Стасом дверь и обнаружил себя в состоянии, близком к обморочному. Выдался невыносимо тяжелый день. Убийство, моя истерика, «обезьянник», фонтаны ярости Седого, которые меня едва не убили. Я чувствовал себя ничтожеством, смятой, грязной тряпкой.

Одно место было на земле, куда меня тянуло неудержимо – это ванна. Стоя под тугими струями воды, я физически ощущал, как мерзость жизни, густо облепившая мою душу, потихоньку покидает меня.

К сожалению, начавшее было улучшаться настроение подпортилось одним из непрошенных моих внутренних собеседников. Я называю его Скулёнышем, уж очень много он скулит и жалуется.

«Так тебе и надо, поделом, по заслугам! – набросился он на меня. – Кто просил тебя высовываться? Сколько Седой может размазывать тебя по стенке, а ты все туда же!»

Я остервенело завозил по телу мочалкой.

Тут на мою защиту встал Советник, – все мудрое и толковое, что во мне есть. Он часто выручает меня.

«Нормальный человек не может спокойно смотреть, когда с другим беда», – спокойно заявил он.

«Ты полез туда только потому, что болван, и не можешь видеть вперед ни на шаг, а потом хлебаешь дерьмо калошей!» – жаловалась одна моя правда.

«Знать, что готовится зло, и ничего не предпринять против этого, – вот что является настоящим разрушением для души...» – забивала её вторая.

«Болван, болван, болван!» – огрызался Скулёныш.

«Для чего тебе были даны видения? – Советник, как всегда, держался рассудительно и печально. – Не для развлечения же...»

И тут появился еще один голос, не принадлежащий мне, хотя и знакомый, я слышал его и в Мексике, и на Бали. Это был жрец майя:

– Нет, не ради развлечения, но и не для полицейской работы. Предназначение твоего дара – нам нужно, чтобы ты дал людям другое понимание мира. В чём смысл их жизни? – вот чему ты должен научить людей с помощью амулета «Тайна вселенной». Задумывался ли ты сам когда-нибудь, зачем ты живёшь?

– Может быть, смысл жизни в её совершенствовании?

– Нет, усовершенствование на земле невозможно. Неслабые люди, в своё время, думали, как усовершенствовать жизнь, и ничего не придумали.

– Может быть, тогда, ничего не надо делать: как идёт всё, пусть так и идёт?

– Опять нет. Люди должны думать о своём пропитании, о своём существовании, о своём времяпрепровождении. Чем эффективнее человек выполняет своё предназначение, для которого создан, тем радостнее он живёт, тем лучше его самоощущение.

– Проблема за небольшим: как узнать о своём предназначении?

– Оно записано в душе каждого с рождения. Если ты соберёшь амулет, ты легко сможешь с его помощью убедиться в этом и каждому желающему назвать его предназначение. Так что людям останется только найти свои места в этом мире.

– Но если в жизни нет смысла, то есть ли в ней осмысленные места? – усмехнулся я про себя.

– Ну вот, ты опять чушь порешь, – рассердился жрец. – Ты – как маленький мальчик, который раскидывает кубики. При этом ты даже не хочешь посмотреть, какой кубик тебе дают в руки. Не надо капризничать: смысла жизни нет, но есть место в жизни, в мозаике человеческих

судеб. Смысл жизни в сохранении и воспроизводстве этой мозаики. Да, мозаика существует. И функция каждого человека принять участие в ней, ничего больше.

– Зачем? – уже всерьёз спросил я. Учение о тенях, о котором я впервые услышал от Аристарха и, естественно, воспринял как полный бред свихнувшегося на физике шарлатана от мистики, начало интересоваться меня.

– А затем, что человек получает удовольствие только тогда, когда он включён в общую мозаику. Если он не включён в неё, он не сможет выполнять свою функцию, и он будет несчастен. Не участвовать в мозаике – это и означает обрекать себя на ощущение бессмысленности жизни. – Судя по размеренной интонации голоса, жрец решил прочитать мне целую лекцию. – Каждый человек имеет свой цвет. Мозаика – это и есть смысл всей земной жизни. Иногда люди называют свой цвет призванием, считают, что они ищут своё призвание. Но не важно, как они называют своё предназначение, важно именно знание, кто человек по цвету души.

Социалистическая идеология говорила, что человек может произвольно определять себе место в жизни, но это не так. Человек, конечно, должен жить в обществе, но и общество должно уважать его натуру. Если этого не происходит, если личность человека мало кого волнует, если ей говорят, что и как надо делать, и не интересуются, чего она сама хочет, а только говорят ей о её общественном долге, жизнь такой личности сопровождается невероятным количеством условностей, поскольку она должна постоянно сочетать свои личные устремления с тем, что ей навязывают. Но от Бога человеку предписано только следить за своей душой и жить своими личными устремлениями. Нельзя человека укладывать в прокрустово ложе. Нет единообразного, правильного пути для всех, каждый должен развиваться так, как он хочет развиваться. Жить тем, что его волнует.

Конечно, надо выяснить: по каким причинам, – объективным, субъективным, – человек не может найти себе место в жизни. Бывает, что общество давит на человека, но бывает, что человек сам пренебрегает своим призванием. Тем не менее, каждый должен находиться на своём месте. А тот, кто не знает, где он должен находиться, придвигается к своему месту крайне болезненно и часто достигает его только ценой собственной смерти. На том свете уж точно все попадают в своё соцветие.

Бог помогает человеку тогда, когда он на своём месте. Когда человек начинает действовать в соответствии со своим предназначением, неведомая Высшая сила вдруг начинает ему помогать. Всё начинает клеиться, хорошо идти. А когда человек что-то делает и у него ничего не получается, это должно насторожить его: а туда ли он лезет. Своё ли место он собирается занять? Нет ли высшего указания, запрещающего делать то, что человек собирается делать?

Самое трудное в жизни – это не занять чужое место и занять именно своё место. Если мы находимся не на своём месте, мы воруем его у других и от этого очень часто сами страдаем.

Что такое «не укради» с точки зрения Бога? Не укради чужое место в жизни. А в действительности люди сплошь и рядом нарушают эту заповедь. Например, человек родился, чтобы быть поэтом: он романтик, пишущий стихи. Но обстоятельства в лице родителей, учителей и т.п. впиливают его, скажем, на должность инженера. Там он тупо отсиживает свои часы. От этого никому нет никакого толка и никакой радости: ни ему самому, ни его работе, ни окружающим, ни Высшему разуму. Человек затухает и духовно погибает. К тому же он крадёт чужое место.

Будем честны сами с собой: каждый человек в глубине души знает своё призвание. Не обязательно оно сводится к ярким профессиям: артист, музыкант, учёный, политик... нет, призвание может быть и в бухгалтерской работе. Человек может с удовольствием копаться в цифрах и подсчётах, при этом ему будет доставлять удовольствие мысль, что через некоторое время он заработает денег на новую машину... Да и много подобных радостей будет у него. Он будет счастлив ими, мелкими радостями бытия, ибо он – на своём месте.

Другой пример. Есть люди, которые упиваются посадкой помидор и огурцов на своём огороде и которым задаром не нужна никакая популярность, даже если им её предлагают. Они живут ожиданием роста посаженных ими овощей – и это их призвание. Им нравится процесс сельскохозяйственного выращивания. Бывает, что им так же нравится выращивать детей, учить их. То есть в принципе нравится сеять, – не важно что, – главное: видеть процесс роста того, что они посеяли. Вполне понятно, что завсегдатаи грядки и педагоги часто находят одинаковое удовольствие как в том, так и в другом виде деятельности.

Но если человек по своему характеру землемер, и самая большая заложенная в него высота – вспахать землю, посеять зерно, а потом собрать урожай, и на большее он не способен, но он, движимый тщеславием и жадной властью, стремится достичь неземных высот и с помощью своего упорного крестьянского трудолюбия проталкивает себя на какую-то несвойственную ему административную должность, то что получается? Административной работой занимается землемер: он, фигурально выражаясь, вспахивает, сажает и собирает урожай, и не знает никаких других особенностей жизни. Этот человек ворует чужое место, и не только у людей, но и у Высшего разума. Вся его административная деятельность идёт во вред. И таких, занимающихся не своим делом, полно... Вот самое страшное воровство! Хотя попробуй обвинить такого человека в воровстве: он скажет: какое воровство? Я честно учился, честно поднимался по служебной лестнице, честно работал и заслужил своё нынешнее положение! Но с высшей точки зрения это не так. Человек занимает не своё место. Отсюда исходят самые большие беды.

– Заповедь «не укради», наверное, самая трудная для нашего понимания... – подал я реплику, поражённый глубиной изложенного мне учения и оттого чувствующий себя недостойным роли примерного ученика.

– Трудная потому, – согласился со мной жрец, – что в Библии заповедь «не укради» не имеет ничего общего с материальным воровством. Надо это понять. Материальные отношения, в том числе и наказание за воровство, регулируют сами люди, и Богу незачем вмешиваться сюда. Это просто смешно: Богу восстанавливать справедливость, кто кому сколько должен. Кроме того, справедливость в людском понимании и справедливость в понимании Бога не обязательно совпадают друг с другом. Бывают случаи, когда Бог симпатизирует вора́м: например, в известном фильме «Берегись автомобиля» Он явно на стороне Деточкина. И в истории было множество таких, подобных Деточкину, бескорыстных робин гудов, которые воровали по идейным соображениям, ради восстановления справедливости, как они её понимали... Короче говоря, Бог не занимается юридической стороной воровства, это чересчур мелко для Него. И потому в Библии речь идёт не о воровстве вещей или денег, а о воровстве чужого места в жизни.

Каждый человек должен знать, где он должен находиться. А для этого каждому необходимо знать свою суть. И вот когда все будут знать свою суть и выполнять своё предназначение, – не каждый в одиночку, а все вместе, – тогда осуществится смысл жизни на этой планете. Тогда небо начнёт получать от людей наиболее рафинированную и интенсивную энергию, и само увеличит излучение на землю. Людям уже не надо будет проходить по лабиринтам поиска призвания, а, родившись, они будут находиться уже в состоянии осенения, под влиянием неба, и будут сразу попадать на свои места. И каждый человек уже не будет создавать ни для себя, ни для других проблем. Нет, это не будет какой-то военизированный режим, просто люди с рождения будут иметь ярко выраженные способности и следовать им.

Высшая ступень развития планеты наступит тогда, – жрец, очевидно, стал подводить итог речи, – когда каждый человек, родившись, будет представлять собой яркую душу и с малолетства будет проявлять себя в предназначенной ему сфере: в искусстве, в математике, в философии, в производстве, в любом деле. Когда каждый человек будет выполнять свои функции, наступит высшая стадия человеческой цивилизации. Сейчас мозг человека используется на одну пятидесятую долю от его возможностей, то есть, по сути дела, люди ещё ничего не знают про свои способности. Поэтому болеют, страдают, впадают в отчаянье. А при условии исполь-

зования всего потенциала людей и совпадения их деятельности с их предназначениями, когда мозг будет использоваться на девяносто и более процентов, будет осуществлена высшая цель творения.

Вот программа, которой подчинена твоя миссия, а что ты сделал? – в голосе говорившего явственно звучала ирония. – Вылечил парочку слонов? Обезьяну? Какого-то недоделанного королька вернул к жизни? Вспокоил старух во дворе?..

Эта отповедь жреца наводила меня на мысль, что я – полное ничтожество. Чувствуя себя именно таковым, я стал горестно выбираться из ванны. Тут под моими ногами мелькнул таракан.

– Фу, какая гадость! – содрогнулся я от отвращения. Вдруг неожиданное утешение пришло мне в голову: «Таракан – это ведь худшее ничтожество, чем я. Приятно, черт возьми! А ведь это какой-никакой повод для самоутверждения: я лучше таракана. Я гораздо могущественнее, умнее. Бегает, правда, зараза, он явно быстрее, и размножается... А как вам это, уроды! Я сейчас вас всех перетравлю и тем самым самоутвержусь над вами!»

Мне показалась эта мысль очень жизнеутверждающей, и я немедленно полез на антресоли, откопал там баллончик с жидкостью для уничтожения тараканов. Вооружившись, я стал рьяно распылять отраву по квартире. Сначала в ванной, потом на кухне, а затем, увлекшись, и в прихожей. От этого, моего вдохновенного занятия меня оторвал звонок в дверь. Я так и застыл, обернутый полотенцем вокруг бедер и с баллончиком в руках. И только сейчас понял, что в яростной борьбе с тараканами, или со своим комплексом неполноценности, маленько увлекся и забыл о себе, как об организме, о том, что вряд ли ему полезно то, что так вредно тараканам: глаза жутко щипало, во рту пересохло... «Не хватало еще травануться ко всем моим сегодняшним радостям!» – подумал я, приближаясь к входной двери.

– Кто там? – язык мой не слишком хорошо меня слушался.

За дверью мне ответили мягко и вкрадчиво:

– Можно мне с вами поговорить? Я – из газеты. – Прозвучало название, которое я никогда не слышал.

«Знаем, знаем, из какой вы газеты, – не поверил я, – ага... Мы это уже проходили. То из милиции, то из газеты...»

– И что? – спросил я, уже воинственно. – Чего надо? Я опять на кого-то сверху протек?

– Извините, но наша газета не занимается коммунальными вопросами, – ответил все тот же голос из-за двери. – Я с вами хотел поговорить совсем о другом. О сверхъестественном. Вы нам интересны. Не доверяете мне? – даже за дверью я почувствовал легкую обиду в голосе говорящего. – Я могу вам предъявить удостоверение, посмотрите в глазок.

Мне было предъявлено нечто абсолютно расплывчатое.

«Черт с ним! – философски подумал я. – Если он хочет на меня напасть, он нападет и утром, когда я буду выходить. Открою, но буду осторожен».

Я открыл дверь и впустил какого-то человечка. Существо, которое вошло в мою квартиру, можно было назвать именно человечком, никак не больше. Это был уже немолодой мужчина, сразу видно, что газетчик. На нем были потертые джинсы и давно небритая щетина, с большой претензией на «а ля бомонд», но передержанная так сильно, что теперь это выглядело откровенной неряшливостью. На его голове мирно почивала какая-то немыслимая кепчонка. Довершала картину выдавшая виды дубленочка, явно маловатая владельцу, и растоптанные штилеты, похоже, с самого своего изготовления не выдавшие щетки. Он окинул меня цепким взглядом, по-хозяйски, без приглашения бросил дублёрку и кепчонку на стул. Отступив на пару шагов, внимательно осмотрел меня еще раз и изрек:

– Да, именно таким я вас и представлял.

«Интересно, каким же? – ухмыльнулся я про себя. – Взъерошенным, полуголым, с красными глазами и, именно, в набедренной повязке?»

Но вслух я решил быть предельно корректным:

– Простите, я не по форме одет. Присаживайтесь. Я тут, видите ли... не ждал гостей.

– Да-да, я понимаю, – с осязаемой долей подобострастия произнес странный посетитель, опуская сухонький задок прямо на свою одежду, – вы медитировали!.. На вас надета древняя саронга, и я чувствую запах каких-то восточных благовоний. Я знаю, это помогает при медитации...

Ситуация становилась все более забавной, но мне не хотелось разрушать ее. Главное, мне очень нравилось обостренное внимание к моей персоне. После недавнего уничтожения я просто купался в неожиданно свалившемся на меня обожании.

– Да, вы абсолютно правы: благовония не случайны, они необходимы мне, когда я пребываю в медитации, – важно подтвердил я.

– Вот-вот! – человек со знанием дела поднял вверх указательный палец, обрадованный удачной демонстрацией своей компетентности. – Не могли бы мы с вами немножко поговорить? То есть, я хотел спросить, не могли бы вы уделить мне несколько минут своего драгоценного времени? О, учитель!

Почти в экстазе он вознес руки к потолку...

«Приятно, что на свете есть люди еще более ненормальные, чем я!» – с чувством глубокого удовлетворения замурлыкало что-то во мне.

Этот псих, впавший в экстаз то ли от меня, то ли от дихлофоса, сильно поправил мне настроение. Уже с удовольствием, я предложил своему гостю стакан чаю, благо, моя мамочка натолкала в дом вагон всяких ароматных трав в качестве заварки. «Сейчас проверю, как у него дела с аллергией», – надергивая ассорти из трав в заварной чайник, не без злорадства подумал я.

– О, травы! – предельно глубокомысленно закивал мой собеседник. – И, конечно, тибетские!

– Да, а как вы догадались? – я старательно смастерил удивление на лице.

– Вы имеете дело со специалистом по оккультным наукам, – важно заметил газетчик. – Мой визит к вам не совпадает с четвертой фазой луны, – отрешенно забубнил он, – и потому я вряд ли услышу пророчество в данное время, поскольку для этого нет объективных предположений, тем более, что Солнце находится в противостоянии с Марсом...

Услышав, что от меня, как бы, ждут пророчеств, я забеспокоился. Полотенце мое немедленно разделило эту тревогу, оно никак более не желало оставаться на месте и так и норовило обнародовать всю мою мужскую суть. Остаток беседы я провел в безуспешной борьбе с этим неожиданно возникшим противником.

– Могу я узнать, что привело вас ко мне? – спросил я, придерживая полотенце уже обеими руками.

– Из кругов, приближенных к органам власти, я узнал, что вы обладаете невероятными способностями предвидения событий, например, вы предсказали гибель нашего депутата...

От неожиданности я сильно вздрогнул. Общаться с ангажированными СМИ в этой стране не безопасно прежде всего для собственной жизни. Полотенце таки изловчилось и поставило меня в несколько неловкое положение перед моим гостем. Водрузив дрянную тряпку на место, я спросил:

– Простите, а вы не могли бы сказать конкретнее, откуда у вас такие сведения?

Человечек ухмыльнулся и вдруг выдал нечто неожиданное:

– Да у вас во дворе даже бабушки на лавочке об этом судачат.

– О чем? – удивился я.

– Сами знаете, о чем, – человек подрастал на глазах, наполняясь уверенностью. – Кто кричал, что готовится покушение на депутата? Уже весь район, а не только ваш двор, обсуждает ваш смелый порыв. Не понадобились даже наши конфиденциальные каналы: везде теперь

только об этом и шепчутся. Так что странно было бы не отреагировать, мы все же – средство массовой информации. Мой визит – следствие реакции общественности.

– Прекрасно, – усмехнулся я. – Что может быть в газете интереснее народных баек! На последней полосе, под кроссвордом...

Мгновенно посерьезнев, человечек прервал меня:

– Нет, это будет другой материал, заглавный, о раскрытом преступлении. Причем, раскрытом с помощью неожиданно появившегося свидетеля.

– Так, так, уже интереснее... И кто будет этим свидетелем? Глухая баба Вера на лавочке?

– Вы! – убежденно выдохнул человечек. – Именно вы!

Тут уверенность переполнила его так, что с непривычки он поперхнулся и закашлялся. Переведя дух, он вновь собрался с силами и решительно спросил:

– Скажите нам, кто убийца?

«Он что, идиот? – подумал я. – Или прикидывается?»

– Нет, в самом деле, вам наверняка известен заказчик, – настойчиво продолжал он развивать свою идею. – А уж исполнитель тем более. Почему бы и нам не узнать от вас их имена?

– Кому это вам? – пробормотал я, чтобы заполнить повисшую паузу.

– Нам, нашей газете, – объяснил он с мягким напором.

«Похоже, отделаться от него будет не так просто...»

– Значит, вы непременно хотите, чтобы я все рассказал?... – протянул я, чтобы собраться с мыслями.

– Нет, что вы, – ласково улыбнулся он. – Молчать – это ваше право. Но подумайте, ведь в наших силах сделать так, чтобы зло было наказано. В наших с вами, – он подчеркнул, – силах!

«Черт, как же не вовремя он привязался... Сам не отцепится, придется помочь», – принял я решение. Задержавшаяся на его лице улыбка окончательно вывела меня из себя, и, изобразив на себе нечто похожее, но более идиотское, я приблизился к нему вплотную. В его глазах я разглядел сначала непонимание, а потом и неподдельный испуг.

– Хочешь, значит, все узнать, да? – доверительно шепнул я ему на ухо, добив его окончательно переходом на «ты». – Ну что же, хорошо, я открою тебе тайну.

Чуть отпрянув назад, я убедился, что нужный эффект достигнут. Самое время для решающего удара.

– Я открою тебе эту страшную тайну, – повторил я уже громче и угрожающе, снова наступая на него, – но тебе придется за нее хорошо заплатить!

– Как? – придавлено пискнул человечек.

– Кровью! – крикнул я и выбежал из комнаты.

Очутившись в кухне, я ринулся к раковине и вытащил из-под горы грязной посуды столовый нож. Он был в доме единственным, а потому – универсальным, умел точить карандаши, резать колбасу, открывать консервы и еще много чего. От такой тяжелой жизни ножик порядком оступел, вот почему моя мамочка не упускала случая заявить, что резать им можно только теплое г... Но газетный человечек не был с ней знаком, так что мне удалось, поигрывая бликами на лезвии, проследить за тем, как его испуг сменил самый настоящий ужас.

«Сумасшедший дом потерял в моём лице важного пациента...» – подумал я, пытаясь взглянуть на этот бред со стороны.

– Что ж, приступим, – зловеще начал я.

Человечек замер, не сводя с меня глаз.

– Только насытившись кровью, я смогу произнести имя убийцы! – продолжал я с нарастающей угрозой, но стараясь не кричать, чтобы не разбудить соседей. – Ты все еще хочешь этого?!

– Н-нет, нет, нет, – газетчик не сразу обрел способность говорить. – Отложим это... отложим на завтра. Вы же понимаете, что это очень ответственно, сегодня я не вполне готов...

Держась за стену, он как можно незаметнее подвинулся к выходу.

– Хорошо, – с нажимом проговорил я, представляя себя медиумом, вошедшим в транс. – Завтра в полночь я буду ждать тебя... агнец Божий.

Было отлично видно, что он старается овладеть собой с помощью искусственно-делового тона, но это ему нелегко давалось.

– Завтра, – повторил я. – Ты узнаешь имена убийцы и заказчика. Но захвати с собой побольше ваты, бинтов и йода.

– Для чего? – он снова врос в пол.

– Для кого, – поправил я, чувствуя свою силу над ним. – Для тебя. А я буду наслаждаться вкусом твоей крови. Ее будет много, очень много!

– Нет, нет, нет! – гость побледнел и снова начал отступать. – Я боюсь... с детства... боюсь крови... я не уверен... мне надо подумать... подготовиться... поговорить с редактором...

По-видимому, упоминание о высоком начальстве придало ему сил. Внезапно обретя подвижность, журналистик допрыгнул до входной двери и, на удивление быстро справившись с моим хитрым замком, выскочил на лестничную площадку. Не предвидев такой его прыти, я успел только послать ему вслед громовое «Так приходи же!», но вдруг наткнувшись в коридоре на его дубленку, разом потерял интерес к роли тени отца Гамлета. Тем более, что единственный зритель, сломя голову, забыв про лифт и про все на свете, мчался по ступенькам вниз.

– Эй, – заорал я, хватая дубленку, – пальтишко-о-о забыли-и-и!

«О-о-о... и-и-и...» – разнеслось по широкому лестничному пролету старого дома. Сверху хорошо было видно, как, часто топая, кружила по лестнице маленькая фигурка.

«Ну и черт с тобой!» – с досадой подумал я и, перегнувшись через перила, швырнул дубленку в пролет. Она плавно, распахнувшись, как большая птица, полетела вниз. Беглец, видимо решив, что я, обернувшись крылатым хищником, все-таки настигну его, пронзительно завопил и с грохотом вылетел на улицу, едва не выломав дверь подъезда.

«Ничего, – злорадно подумал я, – замерзнет – догадается, что это за птица была», и вслед за дублёнкой пустил вниз кепчонку перепуганного газетчика.

Сразу как-то навалилась усталость, и я сообразил, что ведь уже очень поздно. «Спать, спать», – только и вертелось у меня в голове, пока я возвращался в квартиру и закрывал дверь.

Развязавшись с приставучим репортером, я вновь обрел способность к восприятию мира, и первымотреагировало обоняние: увы, в квартире все еще основательно воняло дихлофосом. Слишком сильно, чтобы, поддавшись усталости, завалиться спать. Бр-р-р... «Пришло же мне в голову, на ночь глядя, тараканов морить, – подумал я. – Сплошной бред какой-то».

Пришлось побороться со шпингалетами и распахнуть окно в спальне. Уф, свежий ночной воздух приятно окутал меня холодком!.. Спать сразу расхотелось. Стало даже интересно понаблюдать за ночной жизнью двора, стоя у открытого окна. Вот машина едет по двору, наверное, кто-то поздно возвращается домой. Остановилась у моего подъезда, теперь видно, что это большой черный джип. «Ну, у меня-то на сегодня прием закончен – жаль, объявление об этом внизу не успел вывесить... Мне отдыхать пора», – осторожно подумал я. Несколько человек в длинных черных пальто прошествовали в парадную, и тревога шевельнулась в моей душе: «Не то депутаты, не то бандиты – неужто ко мне?» Почему-то сразу захотелось покинуть квартиру, пока не поздно, вот хотя бы через это открытое окно. Я даже машинально ухватился за раму, но... тут в дверь позвонили. Я вздохнул и закрыл створки. «Все идиоты ныне в гости к нам, – думалось мне по дороге к двери. – А вот не буду открывать!»

– Кто там? – недовольно спросил я.

– Открывайте! – сказал удивительно знакомый голос.

«Где я мог его слышать? Мы что, знакомы?»

– Открывайте, открывайте, не бойтесь, – голос был спокойный и дружелюбный.

«Нет, определенно, я много раз слышал этот голос, причем, именно с такими интонациями. Черт, ну кто же это?!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.